

С любовью, герцог

Автор:

Амелия Грей

С любовью, герцог

Амелия Грей

Сент-джеймские повесы #2Шарм (АСТ)

Даже самый отъявленный повеса со временем превращается в уважаемого джентльмена – вот и Слоан Нокс, герцог Хоксторн, более всего озабочен, как бы подыскать подходящую партию для младшей сестры.

Кандидат в женихи имеется, да вот незадача: его упрямая сестрица, мисс Лоретта Куик, прямо-таки одержима нелепой мыслью, что сначала ее брат должен девушку полюбить, а уж потом на ней жениться!

Поначалу Хоксторн, скрепя сердце, неохотно соглашается помочь Лоретте пробудить чувства между будущими супругами. А потом, все лучше узнавая эту поистине замечательную девушку, и сам начинает мечтать жениться по любви... причем именно на ней.

Амелия Грей

С любовью, герцог

Серия «Шарм» основана в 1996 году

Amelia Grey

TO THE DUKE WITH LOVE

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press и литературного агентства Nova Littera SIA.

© Amelia Grey, 2017

© Перевод. Я. Е. Царькова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

«Дорогой читатель!

Зима подходит к концу, и вот уже не за горами новый сезон, но и в этом сезоне мы, по-видимому, окажемся в водовороте хорошо знакомых интриг, но состав участников, правда, несколько изменится. В этом году состоится долгожданный дебют леди Адель, сестры герцога Хоксторна. Хотя лично я никогда не встречалась с ней, из достоверных источников мне известно, что это бриллиант чистой воды, обладать которым счел бы за счастье всякий джентльмен. Не побоюсь высказать предположение, что борьба за благосклонность леди Адель будет беспримерно жесткой и бескомпромиссной, ибо кому как не мне – той, что постоянно держит руку на пульсе общественной жизни, – быть в курсе всеобщих чаяний и волнительных ожиданий. Меня, как и вас, волнует один вопрос: что же предпримет один из сент-джеймских повес, дабы ошибки его буйной молодости не легли несмываемым пятном позора на репутацию его единственной и горячо любимой сестры?

Глава 1

Даже если леди не права, истинный джентльмен не должен указывать ей на это.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Руководство для истинного джентльмена

Наконец вдали, за серой пеленой мелкого дождя показался нарядный фасад крепкого двухэтажного особняка. Солан Нокс, он же герцог Хоксторн (или Хок, как его называли друзья), остановился передохнуть на вершине каменистой гряды. Вот-вот начнет смеркаться, и как было бы приятно в этот промозглый день увидеть свет хоть в одном из окон и услышать собачий лай, но лишь сероватый дым из трубы, едва различимый на сером фоне хмурого неба, говорил, что дом обитаем.

Настроение у герцога было под стать погоде, и осознание, что промок и продрог он исключительно по собственной вине, лишь добавляло раздражения. Когда этим холодным, но ясным февральским полднем отправился в путь верхом, а не в карете, он думал лишь о том, как побыстрее добраться до места назначения. Он не мог предугадать, что бедная кляча с постоялого двора захромает через полчаса езды и ему придется весь оставшийся путь проделать пешком. Точно так же Солан не мог предположить, что указанный ему маршрут окажется, мягко говоря, неточным и ему придется несколько раз возвращаться и уточнять месторасположение чертова дома. И, разумеется, откуда ему было знать, что вдруг резко поднимется ветер и принесет с собой пробирающий до костей холодный дождь, что поливал последние полчаса.

Однако если мистер Квик примет его предложение и согласится жениться на Адель, этот долгий путь со всеми сопутствующими неприятностями был проделан не зря. Решение выдать сестру за мистера Квика никак нельзя назвать спонтанным. Хоксторн долго вынашивал это решение и, кажется, учел все «за» и «против». Квик племянник графа и вполне привлекательный молодой человек был выше среднего роста, и хотя Солан считал его слишком уж худощавым,

юным леди такие нравятся. Его походка была пружинящей, а лицо неизменно озаряла доброжелательная улыбка.

Что еще нужно мужчине, чтобы стать для Адель самым желанным мужем?

Уверенный в том, что действует из лучших побуждений в интересах сестры, Хок, кутаясь в плащ, начал медленно спускаться по каменистой круче к дому. За ним ковыляло хромотное животное.

После того кошмара, что пришлось пережить в прошлом году Гриффину с сестрами-близняшками, Солан твердо решил не рисковать будущим сестры и заблаговременно обо всем позаботиться. Оставалось надеяться, что сестра одобрит его выбор, и, благодарение Господу, так и произошло.

До начала сезона оставалось еще два месяца, а мисс Труф в своем скандальном листке уже готовила пищу для сплетен об Адель, чей дебют состоится в этом сезоне. Зря старается! Еще до того, как станцует свой первый вальс на своем первом балу, Адель будет невестой Квика, и Солан оставит в дураках всех злопыхателей и утрет нос всем вертопрахам, чьи намерения в отношении Адель не назовешь благородными.

Ледяной ветер напоследок швырнул пригоршню снега с дождем в лицо, когда, привязав хромую кобылу к столбу у ворот, он поднялся на крыльцо и громко постучал в дверь железным молотком. В ожидании, пока откроют, Солан стянул намокшие кожаные перчатки и сунул в карман. Ему пришлось запастись терпением. Наконец дверь медленно приоткрылась, из-за нее высунулась голова круглолицей женщины средних лет, и последовал вопрос:

– Чего хотите, сэр?

– Я герцог Хоксторн, – без обиняков заявил гость. – Мистер Квик знает о моем приезде.

Женщина с сомнением окинула его взглядом: очевидно, не могла взять в толк, как это возможно, чтобы герцог стоял под дверью в насквозь промокшем плаще и шляпе, с полей которой стекает вода. Заглянув посетителю за плечо и не обнаружив ни экипажа, ни багажа, ни прислуги, а лишь старую клячу на привязи, понурившуюся под дождем, женщина, судя по всему, собралась

захлопнуть дверь, но он как ни в чем не бывало снял шляпу, отряхнул и заявил:

– Я один.

– Вам, пожалуй, надо бы отогреться у камина, – смиловилась наконец женщина.

«Было бы неплохо», – подумал Солан и, скинув плащ, хорошенько его встряхнул. Женщина отступила, пропуская гостя в дом, и присела в реверансе.

Хоксторн, переступив порог, оказался в просторном гулком холле. Когда-то, наверное, размеры и архитектура помещения поражали всякого, кто сюда входил, но теперь в глубоких нишах гулял ветер. Из мебели тут осталась небольшая кушетка с изрядно потертой обивкой да шаткий на вид стол с украшенной резьбой столешницей. На столе стояли масляная лампа без масла и подсвечник без свечей. Скучность интерьера навевала печальные мысли, но вдруг откуда-то из глубины дома уютно потянуло ароматом выпечки, и Солан сразу повеселел: если здесь что-то пекут, значит, есть для кого.

Герцог протянул плащ и шляпу крепко сбитой низенькой женщине в белом оборчатом чепце, целиком скрывавшем волосы, и в белом же накрахмаленном фартуке. Служанка положила его вещи на стол с лампой и подсвечником и сказала:

– Прошу за мной.

Гостиная, куда она его привела, была обставлена немногим лучше, чем холл. Посреди довольно большой комнаты стояли одна напротив другой две шаткие на вид кушетки с цветочной обивкой. Между ними притулился стол, на котором едва уместился бы чайный поднос. Два одинаковых кресла, обитых тканью в золотисто-коричневую полоску, были придвинуты к камину. Возле дальней стены с окном стояли отполированный до блеска секретер и стул. Никакой другой мебели в этой насквозь продуваемой комнате не было.

– Подождите здесь, – сказала служанка и ушла.

Солан подошел к камину, огонь в котором едва теплился. От дров осталось всего несколько шипящих раскаленных угольков. Чтобы согреться, тепла вполне хватило, но надежды высушить промокшие сапоги, воротник или шейный платок не было никакой. Хоксторн взял в руки кочергу и, разворошив угли, добавил в огонь щепы, когда за спиной раздалось:

– Ваша светлость...

Услышав приятный женский голос, Солан распрямился и обернулся. Возле двери стояла высокая стройная молодая женщина, показавшаяся ему воплощением чистоты и невинности. При мысли о том, что эта хрупкая девушка никогда не знала мужской ласки, нестерпимое желание внезапно овладело им и сердце учащенно забилося.

Встретив его взгляд, она присела в реверансе. На девушке было скромное платье из недорогой бледно-голубой шерстяной ткани – никаких бантов, кружев и прочих излишеств: броши, колье, даже серег. Ее очень светлые, почти белые, волосы были разделены на прямой пробор и подняты над ушами, но какой они длины и заплетены ли в косы, разобрать не удалось. Солана поразила не только красота юной леди, но и ее скромный, почти аскетичный туалет: ни единой кокетливой детали, для того чтобы обратить особое внимание на ту или иную особенность внешности.

– Я Лоретта Квик, ваша светлость. Чем могу быть вам полезна?

Ясно. Это младшая сестра мистера Квика. Впрочем, ничего удивительного, хотя, честно говоря, Хоксторн о такой возможности даже не думал: слишком занят был мыслями о собственной сестре. Разумеется, он знал, что у Квика есть сестра, как знал о том, что с ней приключилось: весь лондонский свет знал об этом – но никогда не видел ее раньше. Пристально вглядываясь в ее нежное лицо, Солан сказал себе, что никогда не забыл бы эти фиалковые глаза, этот взгляд – прямой и при этом настороженный, – как и ту чувственную дрожь, что охватила его при ее появлении.

– Мисс Квик, – кивнул ей Хоксторн, – я здесь для того, чтобы увидаться с вашим братом.

Дуги ее бровей озабоченно сдвинулись, и она робко шагнула к нему навстречу.

– Что-то случилось?

Солану вопрос показался странным, и он уточнил:

– С кем?

– С моим братом.

– Ничего такого, о чем мне было бы известно.

Взгляд ее напряженно скользил по его лицу, словно она пыталась вывести, что от нее скрывают.

– Так, значит, он не попал в беду?

Тут герцогу стало не по себе: может, он не все знает о потенциальном женихе своей сестры?

– Он что, часто попадает в беду?

– С чего вы взяли? – удивилась мисс Квик. – Разумеется, нет.

– Тогда почему вы спросили, не попал ли он в беду?

Словно уловив осуждение в его голосе, девушка напряглась.

– Но это же вполне логично, когда в такую погоду приходит герцог, да еще и по делу...

– Где же тут логика, если он никогда не попадал в беду?

– А что еще я могла подумать? – наивно поинтересовалась мисс Квик.

Хоксторн пожал плечами, и она, с облегчением вздохнув, сделала еще пару шагов внутрь гостиной.

– Так, значит, никаких проблем нет?

Солан с досадой покачал головой.

– Я же сказал: все в порядке. Вы меня удручаете, мисс Квик.

– Кто бы говорил, ваша светлость.

Вот это да! Мало кому пришло бы в голову так дерзить герцогу. Хоксторн был немало удивлен, но и впечатлен тоже.

– А вы не утруждаете себя подбором выражений, как я погляжу.

Хок наблюдал за тем, как расслабленно опустились ее плечи.

Она чуть пожала плечами и просто ответила:

– Но я сказала правду: с вами очень трудно общаться.

– Со мной? – Солан ушам своим не верил. – Как далеко вы можете зайти в своей беспрецедентной дерзости, мисс Квик?

– Бесконечно далеко, ваша светлость, если дело касается благополучия моего брата. Но скажите мне наконец, что за срочное дело привело вас к моему брату?

Так, значит, его здесь не ждали? Вот еще один повод для беспокойства.

– Далековато мы от вас живем, ваша светлость, чтобы я поверила, будто вы приехали просто поболтать с моим братом о том о сем, – добавила она в качестве аргумента.

И с ее логикой он не мог не согласиться. Отправляясь в путь, Солан даже не представлял, в какой невообразимой глуши находится этот дом: полдня езды от Лондона до деревни Гримсфилд, а оттуда еще полдня. Даже самый отъявленный нелюдим не захотел бы жить так далеко от ближайшего жилья, в отрыве от всех благ цивилизации, в полнейшем одиночестве.

Квик, хоть и не обладал титулом, приходился племянником графу Свитчинему, и, вступив с ним в брак, Адель не нарушила бы негласных законов света: их союз никто не посмел бы назвать мезальянсом. Не сходявшая с физиономии Квика любезная улыбка и неизменно доброе расположение духа могли бы показаться подозрительными, но Солан провел в его обществе достаточно много времени, чтобы не сомневаться в его искренности. И даже если у самого Хоксторна при виде жизнерадостной улыбки молодого человека порой возникала изжога, он был уверен, что Адель будет рада иметь мужа с таким славным характером.

Солан не имел ни малейшего представления, какую сумму выделяет граф Квику на содержание, но, по правде говоря, это не имело значения: приданого Адель с лихвой хватило бы на них двоих. Кроме того, вступив в брак, сестра приобретала права на дом в Лондоне, так что ей не придется жить в Маммот-Хаусе, если не захочет (а в том, что она предпочтет Лондон этой глуши, он не сомневался).

Мисс Квик подошла к гостю почти вплотную, и он, наблюдая за ней, невольно залюбовался изяществом ее походки. Теперь он мог в подробностях разглядеть искушающий изгиб ее губ, оценить безупречную гладкость ее очень светлой, даже для блондинки, кожи, к которой так хотелось прикоснуться, длинные пушистые и неожиданно темные ресницы и выразительные фиалковые глаза, в которых можно утонуть. Но, увы, Хок проделал весь этот долгий путь не для того, чтобы любоваться прекрасной юной леди.

– Не могу поверить, что мой приезд стал для вас неожиданностью.

– И все-таки придется, – не моргнув глазом ответила мисс Квик.

Какая беспрецедентная дерзость! Впрочем, скоро он к этому уже привыкнет.

– У нас с вашим братом назначена встреча, мисс Квик.

– Но Пакстона здесь нет.

Солан стиснул зубы. Неужели зря он полдня прошагал по бездорожью, продрог и промок насквозь? Возможно, он все-таки ошибся в этом мистере Квике... Ничего, на нем свет клином не сошелся: есть в Лондоне и другие достойные кандидаты в мужья для его сестры.

– Признаю, я немного опоздал – так сложились обстоятельства, – но никак не мог даже предположить, что ваш брат уедет, не дождавись меня.

Теперь мисс Квик смотрела на него не только с нескрываемым интересом, но и с недоумением:

– Ваши слова ставят меня в тупик. Пакстон непременно ждал бы, если бы такая договоренность существовала: он очень пунктуален и на него всегда можно положиться.

Но факты – вещь упрямая – говорят об обратном.

Огонь в камине наконец-то разгорелся на славу, и одежда его скоро стала приятно сухой, а общение с красивой и бойкой на язык мисс Квик, подобно хорошему вину, приятно возбуждало и согревало изнутри. Солан вообще-то не привык оправдываться, но отчего-то почувствовал потребность сказать:

– На прошлой неделе я отправил ему письмо, в котором сообщил о своем сегодняшнем приезде с целью обсудить некое важное дело.

Теперь, когда любопытство ее оказалось удовлетворено, мисс Квик превратилась в самую любезность и сочувственно заявила:

– Ах, так вот где кроется корень вашей проблемы!

– Моей проблемы? – удивился Солан.

– Да, вашей, – подтвердила мисс Квик и скрестила руки на груди. – Пакстона здесь нет уже почти три недели, а почту мы получаем всего раз в неделю, когда мистер Хадлстон отправляется в деревню за продуктами. Вся корреспонденция для Пакстона получена, но я, разумеется, не читаю чужих писем.

Хоксторн едва не выругался вслух, но вовремя опомнился: не пристало при леди. Какова здесь вероятность стечения обстоятельств? Один к ста? Но как бы там ни было, слишком много он потратил времени и сил, чтобы добраться до этого затерявшегося в глуши дома, но не застал здесь того, кто нужен. Чертовски неприятно! Но раз Квик не получил письмо, то и винить его не в чем.

– Возможно, еще не все потеряно, – сказала мисс Квик, всем своим видом – и гордо вскинутой головой, и прямым решительным взглядом – давая понять, что она отвечает за свои слова. – То, что вы намеревались обсудить с Пакстоном, можно было бы обсудить со мной.

– Это вряд ли, мисс Квик.

Девушка опустила руки и вполне авторитетным тоном заявила:

– Я неплохо разбираюсь во многих вопросах, ваша светлость. В частности, все, что касается ведения хозяйства здесь, в Маммот-Хаусе, лежит на мне.

Нельзя сказать, что она не убедила Хоксторна: он ей верил, она производила впечатление сильной и уравновешенной, – но какими бы неоспоримыми достоинствами ни обладала эта юная леди, дело, которое привело его в Маммот-Хаус, он мог обсуждать только с самим мистером Квиком.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. И все же мне нужен именно ваш брат. Где он?

– Пакстон не имеет привычки уведомлять меня обо всех своих перемещениях, – ответила мисс Квик в свойственной ей непринужденной манере. – У моего брата есть несколько друзей, которых он время от времени навещает. Кроме того, не зная о причинах вашего визита, я, пожалуй, не стала бы раскрывать вам его местонахождение, даже если бы знала.

Если мисс Квик решила таким образом закрыть тему, то не на того напала: Солан привык добиваться поставленных целей. А цель у него сейчас самая благородная: не дать сестре пасть жертвой тех, кто стремится отомстить за своих вольно или невольно обиженных родственников. За ошибки молодости приходится платить, и в его силах сделать так, чтобы разменной монетой не стала репутация Адель.

Солану никогда не доводилось общаться с юными леди, которые не боялись говорить в лицо то, что думают, и первый опыт оказался, как ни странно, довольно приятным. Впрочем, что тут странного? Мисс Квик не только хороша собой, но и обладает недюжинным живым умом. Жаль только, что вместо конструктивного диалога у них получается пикировка.

– Вам жизненно необходимо встречать в штыки каждую мою реплику?

– Да, если вы не считаете нужным объяснить причину своего визита. Возможности герцога едва ли не безграничны, и это не может меня не настораживать.

Хоксторн не мог не задаться вопросом, чего именно она так боится.

– Смею вас уверить, что прибыл сюда с самыми честными намерениями. У меня есть к вашему брату некое предложение, но я предпочел бы сделать его лично и чем скорее, тем лучше.

– В таком случае почему вы не хотите сказать, в чем заключается его суть? – надменно заявила Квик, глядя на гостя.

Солан не считал, что эта девица вправе задавать ему подобные вопросы, но если ее бестактность и вызывала досаду, то храбрость восхищала. Не всякая леди решится допытываться у герцога, какое у него дело к другому джентльмену, пусть даже ее близкому родственнику. К тому же он чувствовал, что движет ею вовсе не упрямство, а искреннее желание помочь – если не гостю, то брату.

В конечном итоге Хоксторн посчитал, что не будет большого вреда, если он удовлетворит любопытство мисс Квик: возможно, тем самым сподвигнет ее сообщить о местонахождении своего брата и ускорить решение вопроса. Пристроив Адель, он сможет наконец свободно вздохнуть и заняться тем, чем хочется. Солан был уверен, что Квик не в Лондоне: в противном случае они непременно встретились бы в клубе хотя бы раз за прошедшую неделю.

– Будь по-вашему, – сдался он наконец. – Моя сестра этой весной впервые выходит в свет, и мне бы хотелось, чтобы они с вашим братом обручились до начала сезона.

Мисс Квик, выслушав его, глубоко вздохнула и спокойно заметила:

– Вы, похоже, не знаете, что в нашей семье договорные браки не в чести.

В голосе ее не было ни злобы, ни обиды: простая констатация факта. Хоксторн постарался припомнить все, что знал о ней, мысленно отделяя слухи от фактов. Граф Свитчингем задумал выдать ее за виконта Деннингкорта. В назначенное время все гости и, разумеется, жених прибыли в церковь, где должна была состояться церемония венчания, но невеста так и не появилась.

Граф жестоко наказал племянницу за непослушание, и, если верить слухам, она поклялась вообще не выходить замуж. Никогда. Было официально объявлено о расторжении помолвки, но виконт долго не переживал и женился на другой юной леди. Что же касается мисс Квик, то, насколько было известно, с тех пор она ни разу не появлялась в обществе.

– Мне это известно, но я намерен изменить ситуацию. Я все тщательно обдумал и ответственно заявляю: ваш брат именно тот мужчина, которого я хотел бы видеть мужем моей сестры. Я не слышал о его пристрастии к спиртному или картам, он не сплетник и не повеса, то есть в высшей степени порядочный джентльмен, благоразумный и образованный.

На губах мисс Квик расцвела улыбка, и нежный голосок произнес:

– Одним словом, он совсем не такой, как вы.

Хоксторн ушам своим не верил: неужели она не понимает, как рискует, позволяя себе подобные высказывания? Неужели нисколько не боится вывести его из себя? Не повышая голоса, не выдавая никаких эмоций, оставаясь обворожительно невозмутимой, она так точно его охарактеризовала, что он не мог не признать свое поражение и от души расхохотался, а потом заметил:

– У вас смертельная хватка, мисс Квик: берете сразу за горло.

– Насчет горла не скажу, ваша светлость, но то, что стараюсь целиться в сердце, правда, а еще предпочитаю брать быка за рога.

– Да, похоже, в храбрости вам не откажешь.

– А вам – в самонадеянности, – парировала юная леди. – Вы что, действительно рассчитывали, что мой брат с ходу примет ваше предложение и начнет

рассыпаться в благодарностях?

Хок спокойно встретил ее негодующий взгляд и ровным голосом ответил:

– Именно так.

Мисс Квик не дрогнула и совершенно невозмутимо заявила:

– Вам меня не переубедить. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы отговорить брата от этого альянса.

– Отчего-то меня это не удивляет.

– А меня нисколько не удивляет, что я опять вижу перед собой пэра королевства, который пытается соединить в браке незнакомых людей, совершенно не считаясь с их чувствами.

– Скажите, вы что-то имеете против моей сестры?

– Разумеется, нет: я с ней даже не знакома.

– Возможно, вы просто не хотите, чтобы ваш брат женился на юной леди, которая хороша собой, неглупа и имеет богатое приданое?

– Ерунда! – парировала мисс Квик, с ходу отменяя все его предположения.

– Тогда, возможно, вы вообще противница семьи и брака?

– И опять вы не правы! – безапелляционно заявила юная леди. – Я за то, чтобы мой брат сам принимал решение, на ком ему жениться и когда: не хочу, чтобы ему кого-то навязывали. К тому же, ваша светлость, если уж говорить совсем откровенно, я считаю, что весь этот разговор о браке выходит за рамки приличий. Моему брату всего двадцать четыре года, да и то совсем недавно исполнилось.

– Мне это известно, мисс Квик.

– И тем не менее вы стремитесь его женить? Интересно, как бы отреагировали вы сами, если бы кто-то предложил вам обзавестись женой в его возрасте.

Вот это уже удар под дых: когда Солану Ноксу было двадцать четыре, его имя не сходило с полос скандальной хроники.

– Никому бы подобное даже в голову не пришло, уверяю вас.

Мисс Квик удовлетворенно кивнула, что должно было знаменовать победу в споре.

– Вот именно. И вы, должно быть, понимаете, что и Пакстон тоже жениться не собирается.

– Вполне допускаю, что так оно и есть, но также вполне допускаю, что мистеру Квику захочется по крайней мере познакомиться с леди Адель. Я, признаться, думал вас порадовать тем, что я настолько высоко ценю вашего брата, что готов выдать за него свою сестру.

Похоже, он все-таки заставил ее призадуматься. Возможно, теперь дело сдвинется с мертвой точки.

– Разумеется, мне очень приятно слышать столь лестные отзывы о Пакстоне, – призналась наконец мисс Квик. – И я несколько не сомневаюсь, что он мог бы стать прекрасным мужем для вашей сестры.

– Теперь вы готовы меня поддержать?

– Мое мнение на сей счет не изменилось. Да, я готова признать, что брат обладает целым рядом достоинств, но, раз уж вы настаиваете, признаюсь, что я пыталась кое о чем умолчать, не говорила правду, заботясь о вашем самолюбии...

– Я в этом не нуждаюсь! – процедил Хоксторн, и от его былой вальяжной расслабленности не осталось и следа.

– Как скажете. Хотя я сейчас и не выхожу в свет, так было не всегда. И мне доводилось общаться с отпрысками графов и герцогов, вздорными, эгоистичными и ужасно избалованными. Я не хотела бы, чтобы Пакстон женился на одной из них. Очень надеюсь, он встретит девушку, которая будет чуткой, близкой к нему по характеру и отношению к жизни: такую же милую и добродушную, возможно, дочь викария.

Солан стиснул зубы. Как ее понимать? Она что, хочет унижить Адель? Кажется, эта беспардонная девица зашла слишком далеко: впервые ее язвительные замечания действительно задели его за живое.

– Дочь викария? – переспросил он так, словно страшнее оскорбление и придумать нельзя, и, набычившись, шагнул к ней. – Вы хотите сказать, что моя сестра недостаточно хороша для вашего брата?

Мисс Квик держать удар умела.

– Я говорю не конкретно о вашей сестре, а о том общем впечатлении, которое произвело на меня увиденное, прочитанное и услышанное за то короткое время, что провела в обществе. И я лишь в общих чертах обрисовала тип женщины, который, как мне кажется, подошел бы моему брату, задумай он жениться. Вы по-прежнему думаете, что я на вашей стороне, ваша светлость?

Она явно заняла позицию агрессивной обороны: спина неестественно прямая, голова чуть наклонена вбок. Она бесстрашно, ясным и понятным языком, более четко, чем многие его приятели пэры, излагала свою точку зрения. Если бы Адель была хоть в половину такой самостоятельно мыслящей, как мисс Квик, ему не пришлось бы искать ей мужа: она нашла бы его сама.

Солан не по своей воле взвалил на себя ответственность за сестру. Родители их погибли, когда корабль по пути в Португалию затонул при входе в гавань. Ему тогда как раз исполнился двадцать один год, и пришлось взять Адель под опеку, хотя он тогда и о себе-то не мог позаботиться. Все, что его интересовало, это дружеские попойки, женщины и азартные игры. Меньше всего ему хотелось воспитывать младшую сестру, и он нашел выход: выписал в Хоксторн овдовевшую кузину, Минерву Филберт, чтобы та за ней присматривала.

– Нет, мисс Квик, – ответил, чуть расслабив плечи, Солан. – Я бы сказал, что вы изложили свою позицию вполне однозначно.

– Ну вот и хорошо, – явно довольная собой, согласилась мисс Квик.

– Но вы должны знать, – с интригующей улыбкой продолжил Хоксторн, – что чем больше говорите о том, что не хотите, чтобы наши семьи породнились, тем решительнее я настроен добиться, чтобы это произошло.

Мисс Квик нервно облизнула губы и, немного подумав, заявила:

– Выбросьте эту вздорную мысль из головы. Подумайте лучше, как отнесется Адель к тому, что вы принимаете за нее решения, от которых зависит вся ее жизнь. Я ее совсем не знаю, но мне трудно представить, что ей это может понравиться.

– Моя сестра во всем со мной согласна. Она знает, что я действую исключительно в ее интересах. Она также знает, что я не стану принуждать ее выходить за вашего брата или любого другого мужчину, если он ей не нравится.

Мисс Квик возмутилась:

– Пакстон вовсе не урод! И кого бы ни выбрал в жены, я буду счастлива за него. Пусть сам решает, на ком ему жениться и когда. А вот чего я совсем не хочу, так это чтобы какой-нибудь титулованный негодяй вроде вас искушал его богатством, властью или еще чем-то, преследуя исключительно эгоистические цели.

– Вы думаете, я для себя стараюсь? – с угрозой в голосе спросил Хоксторн и сделал еще шаг в сторону мисс Квик. – Все ради сестры. У меня одна цель: чтобы с ней ничего не случилось, чтобы муж ей достался хороший, – и ради нее я готов на все!

– Как и я ради брата.

– Тогда мы друг друга понимаем.

– Похоже, что так. Вы будете стоять за леди Адель, а я – за Пакстона. Я не для того сбежала из-под венца, чтобы позволить брату угодить в капкан договорного брака.

– Вы не считаете, что Пакстон и сам в состоянии разобраться в ситуации и принять верное решение?

– Но ведь и вы не очень высокого мнения об умственных способностях своей сестры. Разве не так?

Мисс Квик стойко держала оборону, что достойно всяческих похвал, но если думала, что заставит его отступить, то очень ошибалась.

– Ну что же, перчатка брошена и дуэль неизбежна. Так, мисс Квик?

– Похоже, что так.

– Так когда ваш брат должен вернуться?

– Откуда мне знать? – заявила она с вызовом, но, не дождавшись ответной реакции, уже более доброжелательным тоном продолжила: – Обычно он уезжает из дому самое большее на пару недель, но на этот раз отсутствует дольше. Именно поэтому я, увидев вас, и решила: что-то произошло и вы привезли мне весточку от брата. Я думаю, что он должен приехать со дня на день.

– Но с тем же успехом он может не появиться и до конца следующей недели, верно?

– Верно, – неохотно согласилась мисс Квик и тут же поспешила заметить: – Ему будет очень неловко из-за того, что вы его не застали. А сейчас могу я предложить вам перекусить? Или просто посидите у камина и погрееетесь, перед тем как уйти?

Что она себе позволяет? Эта выскочка ведет себя так, словно она герцогиня, а он – никто. Потрясающая наглость! Нет, он этого так не оставит. Пусть ей и не терпится избавиться от него, ему самому спешить некуда.

– Я бы не отказался от бокала чего-нибудь согревающего – вина или бренди, – проговорил Солан и, с нарочитой брезгливостью окинув взглядом жалкую обстановку комнаты, добавил: – Если у вас, конечно, что-нибудь найдется.

Мисс Квик усмехнулась, и Хоксторн в очередной раз поддался очарованию этой ее всепонимающей то ли улыбки, то ли усмешки. Похоже, ее позабавила его попытка продлить визит. Что ж, если так, то она приняла условия игры. И это замечательно.

– У Пакстона наверняка найдется что-нибудь подходящее.

Она повернулась к нему спиной, и у него появилась возможность рассмотреть ее великолепные волосы цвета луны, шелковистые, густые, волнистые, ниспадавшие ниже лопаток. Реакция нижней части его тела последовала незамедлительно. На мгновение ему привиделось, как она, нагая, сидит на нем верхом, а эти волосы рассыпаются по плечам, по груди... Он представил, как эти словно сотканые из лунного света пряди щекочут ему грудь, когда она наклоняется к его лицу, чтобы поцеловать в губы.

Мисс Квик оглянулась и застала его на месте преступления. Взгляды их встретились – такие похожие! Хоксторн был почти уверен, что юная леди догадалась, о чем он подумал, насколько ей позволяла невинность, но, что еще важнее, понял, что тоже ее заинтересовал.

– Могу предложить вам бренди, – сказала она спокойно, открыв дверцу буфета, и достала поднос с графином и бокалами.

– Прекрасно!

Солан пристально наблюдал за ее движениями: уверенными, но изящными. Вот она вынула пробку из графина, щедро плеснула бренди в бокал, подошла к нему и, глядя прямо в глаза, словно невзначай заметила:

– Скоро стемнеет, однако.

Так значит, им обоим предстоит испытание: ей на храбрость, ему – на стойкость. Она все еще пыталась от него отделаться. Что ж, ее упорство достойно

восхищения. И, вероятно, для него было бы во всех смыслах правильнее понять намеки и раскланяться, причем чем скорее, тем лучше, но весь его годами разгульной жизни накопленный опыт восставал против того, чтобы подчиниться ее желанию.

Хоксторн взял бокал из ее рук и заметил:

– Дождь все льет и льет.

Мисс Квик перевела взгляд на окно.

– Да, небо будто прохудилось. Вот выпейте – хоть немного согреетесь, перед тем как уйти.

«Мне тепло от одной вашей улыбки...»

– Спасибо, мисс Квик, но я вынужден просить вас оказать мне услугу. Моя лошадь повредила ногу, и я хотел бы одолжить одну из ваших, чтобы добраться до деревни.

– О боже! – озабоченно покачала головой мисс Квик. – Боюсь, это невозможно.

Хоксторн усмехнулся: даже лошадь и ту не может дать просто, не съязвив.

– Я прослежу, чтобы вам ее вернули целой и невредимой, мисс Квик.

– Нисколько не сомневаюсь, ваша светлость, – нервно покусывая нижнюю губу, сказала девушка и отвернулась к окну.

– Что-то не так? – спросил Солан, заметив, что она не на шутку встревожена.

– Да, ваша светлость. Я бы с радостью одолжила вам лошадь, если бы она у меня была. У нас их всего четыре, но на одной уехал Пакстон и взял вторую для своего слуги. Мистер Хадлстон и его помощник сегодня утром поехали в Гримсфилд, чтобы запастись на неделю всем необходимым, и забрали оставшихся. До деревни путь неблизкий, и потому они всегда остаются на ночь у брата мистера Хадлстона, так что вернутся не раньше завтрашнего дня.

– Всего четыре лошади на такое большое поместье? – не веря своим ушам, переспросил Солан.

– Нам хватает: мы живем просто, без затей.

– На мой взгляд, слишком уж просто, – не без раздражения заметил Хоксторн. – Граф знает о ваших обстоятельствах?

– Мой дядя очень щедр к нам: не только позволил жить в таком большом и благоустроенном доме, но еще и платит слугам, с тем чтобы мы с Пакстоном ни в чем не знали нужды.

«Так вот кто упрятал мисс Квик и ее брата в этой глуши, в полупустом доме без связи с внешним миром: граф Свитчингем! Мог бы и раньше догадаться».

– Так, значит, о моей лошади, что я оставил снаружи, здесь позаботиться некому, – заключил Солан.

– Я вполне справлюсь с этим сама, ваша светлость, – с готовностью предложила мисс Квик.

Хоксторн насупился: за кого она его принимает? За избалованного белоручку?

– Нет, мисс Квик, я скорее умру, чем подпущу женщину к моему коню.

– Как вам будет угодно. – Мисс Квик судорожно сглотнула, в нерешительности покусала губу и лишь затем собрала с духом и сказала: – Значит, если только вы не намерены идти в деревню пешком, мне придется предложить вам переночевать в доме.

Искушение удушливой волной сдавило Хоксторну горло и хлынуло вниз, обжигая жарким трепетом грудь, живот и пах. Даже если голос ее срывался от волнения, обнаруживая ласкавшую слух чувственную хрипотцу, Солан отдавал себе отчет в том, что, приглашая его переночевать в доме, она имела в виду совсем не то, на что с такой радостной готовностью откликнулось его тело.

Ее темно-синие глаза смотрели на него выжидающе: каков будет ответ?

Она не только будила в нем желания, но и заставляла его ум работать быстрее и продуктивнее. Эта юная леди действительно красива как богиня, чувственна и при этом невинна, к тому же чертовски умна. Комбинация убойной силы. Хоксторн не помнил, когда так сильно хотел женщину – возможно, никогда. Надо бы сказать, что он готов переночевать на конюшне: настоящий джентльмен так бы и поступил, оградив добродетельную мисс Квик от любого возможного скандала, – но холодная, насквозь продуваемая конюшня совсем не то место, где хочется спать в дождливую февральскую ночь.

Так что же делать: как джентльмену отправиться спать на конюшню или остаться верным многолетним привычкам и завоеванной репутации?

Глава 2

Джентльмен никогда не подставит под удар репутацию леди, как бы сильно ему ни хотелось поддаться искушению.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Руководство для истинного джентльмена

Лоретту Квик буквально трясло от макушки до пят, пусть герцог Хоксторн об этом даже не догадывался, но вовсе не от страха и даже не от волнения (хотя это было бы вполне объяснимо – ведь в Маммот-Хаус пожаловал сам герцог Хоксторн!). Нет, эта внутренняя дрожь была вызвана внезапной переменой, что произошла с ней в тот самый момент, когда она его увидела. Лоретта пока еще не знала, как быть и что делать с этими новыми и пугающе незнакомыми ощущениями, возникшими внезапно и оттого необъяснимыми. По какой-то неведомой причине у нее вдруг перехватило дыхание. Нет, внешне ничего не изменилось: она дышала как обычно – ей лишь казалось, что не хватает воздуха. То же происходило и с головой: она не испытывала ни тошноты, ни головокружения, но при этом голова у нее шла кругом и она чувствовала себя так, словно вот-вот упадет в обморок. Она не была голодна, но ей хотелось пожирать его глазами. Возможно, объяснение таким явлениям все же

существовало: герцог был весьма привлекателен – никого подобного ему Лоретте встречать не доводилось. У него был по-мужски крупный, красивой формы рот, узкий нос, несколько тяжеловатый, чисто выбритый подбородок. А уж самомнения его хватило бы на семерых. Чего стоил один его надменный взгляд. Он был высок, статен, широкоплеч и мускулист. Ему необыкновенно шли бриджи цвета оленьей шкуры, заправленные в высокие сапоги. Сюртук из коричневого бархата с начищенными до блеска латунными пуговицами по бортам и на обшлагах рукавов сидел на нем как влитой. На его чуть вьющихся концах густых темно-каштановых довольно длинных волос блестели капли дождя и стекали на шейный платок.

Не трудно догадаться, что этот статный красавец и был тем самым печально знаменитым сент-джеймским повесой – одним из трех титулованных джентльменов, которые с такой убедительностью доказали, что любая юная леди, какими бы высокими моральными качествами ни обладала, мечтает стать объектом вождения тайного поклонника. Теперь, увидев его воочию, Лоретта поняла, отчего, несмотря на скандал, герцог Хоксторн умудряется кружить головы светским дамам вне зависимости от возраста и семейного положения.

Герцог продолжал удерживать ее взгляд, отчего сердце ее ускорило свой ритм, отмеряя мгновения, и молчал, не торопясь отвечать на предложение. Он не мог не понимать, что она сказала это исключительно из вежливости. Так почему же медлит?

– Благодарю вас, мисс Квик, – наконец проговорил он медленно, прервав затянувшееся молчание, – но из уважения к вам и ради сохранения вашей репутации я переночую на конюшне.

Итак, вопреки сложившемуся мнению он оказался настоящим джентльменом. Это так растрогало Лоретту, что ей пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с волнением.

– Нет, ваша светлость, – возразила она, пытаясь восстановить дыхание, – точно так же как вы не можете позволить леди взять на себя заботу о вашей лошади, я не могу допустить, чтобы герцог провел ночь на конюшне. Так уж сложились обстоятельства, и ни в ваших силах, ни в моих что-либо изменить, но необходимости мерзнуть и подвергать опасности свое здоровье нет никакой, тем более что в доме вполне достаточно свободных комнат.

– Что ж, я принимаю ваше предложение, – с поклоном сказал Хоксторн, – если для вас мое пребывание здесь не будет слишком обременительным.

Маммот-Хаус, этот дом-мастодонт, был похож на замок великана-людоеда из страшной сказки. Но, даже если герцог будет спать в противоположном крыле этого огромного дома, мысль о том, что он здесь, под одной с ней крышей, вряд ли даст ей уснуть.

– Вы несколько меня не обремените, ваша светлость, – ответила, стараясь не выказать волнения, Лоретта. – У меня есть помощники: миссис Хадлстон – вы с ней уже знакомы – и Битси, моя камеристка. – Чуть помолчав, для большей убедительности она добавила: – Да и сама я не без рук.

Хоксторн хмыкнул.

– Я уже заметил, что вы далеко не беспомощны. Если я правильно вас понял, вы хотели сказать, что вполне способны постоять за себя в случае необходимости?

Отчего-то Лоретту его вопрос не удивил. Сент-джеймский повеса не станет делать вид, что не понял намека, из деликатности. Он будет сражаться с открытым забралом, и это в какой-то мере подкупало.

– Мне бы и в голову не пришло заподозрить герцога в столь неподобающем поведении.

– Но все же решили меня предупредить, – заметил Солан будто между делом.

Лоретта попыталась сохранить серьезность, но не выдержала и улыбнулась.

– Ну что вы: то была простая констатация факта, ваша светлость.

– Ваша прямота обескураживает, мисс Квик.

Неужели ей удалость его заинтересовать?

От этой мысли голова у Лоретты сделалась неестественно легкой и в животе запорхали бабочки.

– Я не ставила перед собой задачу возбудить ваш интерес.

– Само собой, однако это произошло. А еще я знаю, что вызываю у вас не меньший интерес, чем вы у меня.

Лоретта нахмурилась.

– Даже если бы это было так – а это не так, – как вы можете это знать?

– Просто знаю, и все, – проговорил он, и от его низкого, с хрипотцой голоса по телу Лоретты побежали мурашки. – Это видно по вашим глазам.

Лоретта судорожно втянула воздух, втайне надеясь, что он ничего не заметил. Неужели это правда? Ведь есть люди, наделенные особым даром проницательности. Что, если он один из них? И хватит ли у нее духу опровергнуть его предположения, если он продолжит настаивать на своем?

Лоретта медлила с ответом, подыскивая нужные слова, а Хоксторн все тем же непринужденным, почти шутливым тоном продолжил:

– Пока вы обдумываете, что сказать, мисс Квик, я хочу вас предупредить, что не стоит даже пытаться отрицать очевидное. Тем более что лгать вы не умеете.

Вот шельма! Разумеется, он прав, но то, что не только обо всем догадался, но и предугадал ее намерение опровергнуть его слова, не делает ему чести. Однако кое в чем он заблуждается: заставить ее в чем-то признаться не удавалось еще никому.

Лоретта мысленно приказала себе расслабиться и нарочито безразлично заметила:

– Боюсь, вы заблуждаетесь относительно причины моего к вам интереса.

Герцог вопросительно приподнял брови.

– В самом деле?

– Для меня, племянницы графа, вполне естественно испытывать благоговейный трепет перед герцогом.

– Вы испытываете благоговейный страх? Ни за что не поверю!

– И тем не менее это так. Сюда, в Маммот-Хаус, ни разу никто из титулованных особ не заглядывал – вы первый. Вам не понять, каким потрясением явилось ваше появление для бедной девушки, которая уже не один год живет тут отшельницей.

– Обстоятельства вашего изгнания из общества мне знакомы только в общих чертах, мисс Квик, – прищурившись, сказал Хоксторн. – Я бы хотел знать подробности.

Отказ подчиниться воле дяди и его последствия совсем не та тема, которую ей хотелось бы обсуждать, и герцог не мог об этом не знать.

– В таком случае, – незамедлительно парировала Лоретта, – я предлагаю также обсудить некое письмо от тайного поклонника, которое, как говорят, прочли все, кому не лень.

Герцог Хоксторн от души рассмеялся, и в его темно-зеленых глазах заиграли золотистые искры. Лоретта воспрянула духом. Веселье Хоксторна оказалось заразительным, даже если она и предположить не могла, что упоминание недавнего скандала так его позабавит.

– Прочли все, кому не лень? Какое смелое обобщение, мисс Квик.

Лоретта улыбнулась.

– Цитируя вас, ваша светлость, скажу, что эта история мне знакома лишь в самых общих чертах.

– Как бы там ни было, мисс Квик, дальнейшую дискуссию по данному вопросу придется отложить на более позднее время. С удовольствием вернусь к этому разговору, после того как отведу кобылу на конюшню, вычищу и накормлю.

Лоретта взяла протянутый герцогом пустой бокал, и ладони их соприкоснулись. Кровь горячей волной прихлынула к ее лицу, а пальцы судорожно сжали ножку бокала. Хоксторн смотрел ей прямо в глаза и, судя по внезапно расширившимся зрачкам и учатившемуся дыханию, тоже чувствовал себя весьма... необычно. Явно нехотя он опустил руку, и Лоретта, вздохнув с облегчением, спросила:

– В какое время вы предпочитаете ужинать?

– В то же, что и вы.

– Но в отсутствие Пакстона мы тут обходимся без формальностей, и я не ужинаю по расписанию. Миссис Хадлстон – опытная кухарка, и ей вполне хватит одного часа, чтобы приготовить для вас что-нибудь сытное и вкусное. Прикажете подать вам ужин через час?

Хоксторн шагнул к ней, и Лоретта поймала себя на том, что едва не шагнула ему навстречу.

– Если мы обойдемся без формальностей, я буду только рад, – сказал герцог. – Мне совсем не важно, что мы будем есть и когда, но, как гость вашего дома, мисс Квик, я настаиваю, чтобы вы, хозяйка, составили мне компанию.

Дрожь в теле, внезапная слабость, озноб и жар: симптомы как при простуде, – но Лоретта прекрасно понимала, что в этом случае к простуде они не имеют никакого отношения.

– Но это было бы... – фразу она не закончила и Хоксторн продолжил:

– Скандальным нарушением приличий?

– Именно, – на удивление спокойно ответила Лоретта. Справиться с внезапно одолевшим ее недугом удалось, и она твердо решила не поддаваться на провокации. Если он думает, что она убежит поджав хвост, пусть знает: не на ту попал. – Куда более вопиющим, чем предложение переночевать в доме, вызванное, как вы понимаете, обстоятельствами непреодолимой силы. Никто, даже мой дядя, не посмел бы осудить меня за то, что не позволила герцогу спать на конюшне, но ужинать наедине с вами, когда брата нет дома,

необходимости нет.

Герцог улыбнулся, и лицо его вмиг преобразилось: черты разгладились, в глазах засверкали искорки. Это превращение стало для Лоретты полной неожиданностью, хотя и приятной.

– Может, вам будет проще вынести мое общество, – проговорил он вкрадчивым тоном, – если я вам напомню, что о нашем совместном времяпрепровождении никто, кроме нас самих и ваших слуг, не узнает. Надеюсь, слугам вы доверяете...

– Несомненно! – поспешила заверить гостя Лоретта.

– Вот и прекрасно! Значит, мы вполне можем разделить не только кров, но и стол, – весело заключил Хоксторн.

Лоретта, посчитав дальнейшие препирательства излишними, поставила перед собой новую задачу. Раз уж она взяла на себя роль хозяйки дома, нужно сыграть ее безупречно.

– Ужин подадут в столовой в восемь. А пока можете отдохнуть – я распоряжусь, чтобы вам подготовили комнату.

– Благодарю, – с легким поклоном ответил герцог. – Пойду займусь лошадью, а по возвращении не откажусь от бокала вашего бренди.

Лоретта только сейчас осознала, что все это время держала бокал, намертво, так что косточки побелели, вцепившись в ножку.

Он еще смеется! Как же ее злила собственная беспомощность! Насколько все было бы проще, обладай он заурядной внешностью. Ну что тут поделаешь, если ей постоянно хотелось на него смотреть, если не удавалось справиться с предательской дрожью в руках, с замиравшим в радостном предвкушении сердцем?

Лоретта считала себя сильной, способной постоять за себя. Дядя так и не смог заставить ее выйти замуж за виконта. В отличие от брата, который под любым предлогом старался куда-нибудь сбежать, она стойко переносила все тяготы

одинокое существования в этой глуши. Как же так вышло, что герцогу всего за несколько минут общения удалось то, что не удавалось никому? Лоретта была совершенно растеряна, чувствовала себя слабой и беспомощной и не понимала отчего, но уж явно не от страха.

Ее влекло к нему, несмотря на то что он даже не пытался казаться лучше, чем есть. Не зря за ним закрепилась дурная слава: вот зачем он настоял на совместном ужине? Разве истинный джентльмен позволил бы себе такое? Но как она может осуждать его за презрение к морали, если вовсе не считает это чем-то зазорным?

Наверное, все дело в том, что такого рода эмоций она никогда еще не испытывала, а все новое принимается и осознается с трудом. До сих пор судьба была к ней благосклонна, уберегая от таких опытных и искусных сердцеедов, как герцог Хоксторн, и то, что скандал с письмами до сих пор не забылся, лишнее тому доказательство. Кроме того, его манеры подтверждают, что бывших сердцеедов не бывает: такие люди не меняются.

Лоретта, как и все жители Лондона и его окрестностей, читала о том скандальном происшествии с дебютантками сезона. Гневу и возмущению в обществе не было предела, но никаких извинений ни от герцога Хоксторна, ни от герцога Гриффина, ни от герцога Ратберна так и не последовало. Бесстыдники, отправившие двенадцати юным леди анонимные письма от якобы тайных поклонников с приглашением встретиться наедине, были настолько убедительны в своих посланиях, что ни одна из девиц не нашла в себе сил отказать таинственному воздыхателю.

Лоретта не хотела себя обманывать и признала, что тоже попалась бы на удочку, будь тот сезон ее первым выходом в свет. Как только стало известно о том бесславном пари, которое заключили герцоги, общество охватила паника. И сами девицы, и их родители готовы были волосы на себе рвать. С тех пор за троицей прочно закрепилась слава сент-джеймских повес, а их «подвиги» не обсуждал только ленивый.

Учитывая все это, Лоретта должна была бы дрожать от страха: если не за свою жизнь, то уж за репутацию точно – но почему-то, напротив, не чаяла дожидаться назначенного времени!

И дело не столько в том, что у нее вспыхнули чувства к герцогу: просто она так давно ни с кем не виделась, кроме брата и – очень редко – дяди, что была сейчас рада обществу любого, кто мог бы поддержать разговор.

Лоретта никогда не сожалела о том, что сбежала из-под венца, но ей очень не хватало общения с людьми своего круга, которого она лишилась, не согласившись выйти за виконта. Впрочем, не в ее правилах было сожалеть о принятых решениях: поступив наперекор дяде, Лоретта отдавала себе отчет о возможных последствиях. Зная его суровый нрав, она понимала, что ей придется несладко.

Граф Свитчингем взял на себя заботу о детях своего младшего брата, погибшего на дуэли вскоре после рождения Лоретты, из чувства долга, но никак не по велению сердца. Пакстон и Лоретта остались круглыми сиротами после смерти их матери. Пакстона отправили в школу-пансион, а Лоретта жила в имении графа вплоть до своего дебюта в свете. Воспитанием ее занималась гувернантка, а образованием – приходящие учителя. Графа она видела редко, поскольку тот жил по большей части в Лондоне, но за время его нечастых визитов в имение успела усвоить главное: от нее ждут беспрекословного повиновения и ее мнение по каким бы то ни было вопросам никого абсолютно не интересует. Так что желание Лоретты провести время в обществе приятного во всем смыслах собеседника было вполне закономерным: грех не воспользоваться случаем, который, возможно, больше и не представится. Да, ей хотелось общения, но еще больше хотелось вновь испытать то чувственное волнение, что рождалось в ней, когда она смотрела на него, когда соприкасались их пальцы. Что с того, что она сама себя не понимает? Это нисколько не умаляло удовольствие предвкушения.

К тому же она вполне могла не тревожиться за свою репутацию, поскольку про ее ужин с герцогом никто все равно не узнает.

Да и так ли уж ей дорога эта самая репутация? Если уж так случится, то пусть виной тому будет красавец-герцог, от одного взгляда которого сердце ее пускается вскачь.

– Он действительно герцог?

Лоретта вздрогнула от неожиданности и обернулась. В дверях гостиной стояла миссис Хадлстон.

– Самый настоящий.

– Он уже уезжает?

– Нет. – Лоретта подошла к секретеру и поставила бокал на поднос. – Пошел на конюшню чистить свою лошадь.

– Да что вы говорите! – изумилась миссис Хадлстон. – Думаете, справится? Такие, как он, ведь белоручки!

– Какая же вы злая! – шутливо укорила кухарку Лоретта. – Насколько мне известно, даже герцогов учат заботиться о лошадях.

– Как скажете! – буркнула миссис Хадлстон и, озабоченно покачав головой, добавила: – И все же мне было бы спокойнее и за герцога, и за его лошадь, если бы этим занялись мистер Хадлстон или Арнольд.

– И мне тоже, но ведь их сейчас нет, – согласилась Лоретта.

– Я так думаю: если мужчина не в состоянии сам себе шейный платок повязать, куда ему справиться с конем!

Лоретта едва сдерживала смех.

– Мы ведь не знаем, кто ему платок повязывает: может, он это никому доверить не может. Но хватит об этом: сейчас есть дела поважнее.

– Не пугайте меня! Что стряслось?

– Герцог останется на ужин. Вы сможете приготовить что-нибудь сытное на скорую руку?

Миссис Хадлстон закатила глаза и принялась теревать фартук, явно запаниковав.

– Даже не знаю, мисс... Я никогда для герцогов не готовила.

– Они такие же люди, как и все прочие, – улыбнулась Лоретта, чтобы приободрить кухарку. – Вы готовите отменно, и герцогу все непременно понравится. И еще: он останется у нас на ночь. Кобыла его захромала, и он не сможет уехать до тех пор, пока не вернется мистер Хадлстон, чтобы дать ему на время коня. Поэтому проследите, чтобы герцогу приготовили комнату для ночлега. Думаю, спальня графа подойдет.

– Может, приготовить порционные закуски, как, я слышала, подают в лондонском доме графа? У нас есть маринованные овощи и корни.

– Не стоит. Герцог не может рассчитывать на то, что его будут здесь потчевать как в Лондоне. Приготовьте то, что мы едим обычно.

– Не думаю, что герцога устроит яйцо на ломтике жареного хлеба: маловато будет.

– С этим трудно не согласиться, – и Лоретта предложила:

– Приготовьте что-нибудь на свое усмотрение, только не пытайтесь оригинальничать.

– Тогда я поджарю для него ветчину под медовым соусом, сварю картошку и яйца. Хлеб уже готов – напекла на два дня вперед, так что ему точно должно хватить. И сыр у нас тоже остался. Еще, пожалуй, испеку печенье с инжиром. Как думаете, этого достаточно?

– По-моему, более чем: таким ужином можно накормить трех мужчин, – улыбнулась Лоретта.

Миссис Хадлстон просияла и наконец-то перестала теревать фартук и закатывать глаза.

– Я тоже так думаю, – заключила кухарка.

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

– Велю горничной растопить камин в спальне графа, а с ужином справлюсь я сама.

– Спасибо. Да, вот еще: найдите для герцога ночную рубашку. Скорее всего он не взял с собой никаких вещей, поскольку оставаться у нас не собирался.

– Будет сделано, мисс.

– И последнее, миссис Хадлстон: стол накройте на двоих в столовой.

Кухарка, она же экономка, озабоченно покачала головой.

– Вы уверены, что это правильно, мисс?

– Герцог ясно дал мне понять, что не желает ужинать в одиночестве, и я согласилась составить ему компанию. Мы будем сидеть на противоположных концах стола. Да, и поставьте побольше свечей.

Лоретте очень хотелось, чтобы пребывание в Маммот-Хаусе было для герцога приятным, но при этом она была готова на все, лишь бы Пакстон не пошел у него на поводу. Каждый вправе сам выбирать для себя спутника или спутницу жизни – таково ее убеждение! Жаль только, что Пакстон далеко не всегда прислушивался к мнению сестры, как бы она ни убеждала герцога в обратном.

У нее всегда имелось собственное мнение по любому вопросу, и она не собиралась держать его при себе. Пусть ей не дано познать ту самую настоящую любовь, о которой пишут в стихах и романах, но у Пакстона есть право на счастье, и он еще встретит свою суженую и сам сделает выбор.

– Не беспокойтесь, мисс: я свое дело знаю. Буду караулить под дверью и ловить каждое слово.

– Не стоит так себя утруждать! – рассмеялась Лоретта. – Герцог меня не съест.

– Ладно. Мне пора приниматься за работу, – заключила миссис Хадлстон, – а вам, мисс, надо бы принарядиться к ужину.

Лоретта окинула взглядом свое простенькое платье. Хотя уже два года она не выходила в свет, правила этикета не забыла: в присутствии герцога полагается быть во всеоружии. Волосы непременно нужно тщательно уложить, надеть вечернее платье и непременно драгоценности: пусть не думает, что, даже будучи застигнутой врасплох, она не способна выглядеть подобающим образом.

Примеряя кольцо, Лоретта улыбнулась: это украшение принадлежало ее матери – такой тихой, доброй и ласковой. Ее порадовало, что дядя оставил драгоценности ей, хотя едва ли сделал это по доброте душевной: скорее потому, что прекрасно понимал: надевать ей их все равно некуда.

Как бы там ни было, сегодня они ейгодились.

Лоретта вдруг поймала себя на том, что волнуется, но волнение это было ей приятно. Для ее дебюта в свете было сшито множество туалетов. Конечно, эти платья уже не назовешь модными, но зато ткани и отделка были выше всяческих похвал: денег на подготовку племянницы к первому сезону дядя не жалел. Лоретта и подумать не могла, что граф уже все решил за нее до начала сезона, сосватав за виконта Деннингкорта.

Под шквалом упреков, увещаний и прямых угроз Лоретта сказала дяде «да». Свадьба должна была состояться весной, вскоре после начала сезона, но так и не состоялась, за что Лоретта была наказана пожизненным заключением в Маммот-Хаусе.

Глава 3

Джентльмен никогда не забывает о том, что он джентльмен.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Руководство для истинного джентльмена

Солан был чертовски рад тому обстоятельству, что мисс Квик отклонила его джентльменское предложение переночевать на конюшне, поскольку ледяной дождь по-прежнему лил как из ведра, но уже со снегом. До весны оставался всего месяц, а погода была под стать середине зимы.

За несколько минут до восьми Хоксторн вышел из выделенной ему комнаты и направился в столовую. После того как сделал для хромой лошади все, что мог, экономка отвела его в комнату, где ему предстояло провести ночь. Кое-как просушив перед жарко растопленным камином мокрый сюртук, рубашку и шейный платок – он не собирался оставаться в Маммот-Хаусе на ночь и оставил свой саквояж в гостинице вместе с экипажем, – вновь надел полусырые вещи, с вожделением подумал о плотной еде, крепком вине и занимательной беседе с мисс Квик. Этим он успеет насладиться до того, как ляжет в теплую постель.

Дверь в столовую была приоткрыта, поэтому Солан вошел не постучавшись и замер от представшего его взору зрелища. В янтарных отблесках пламени камина мисс Квик была похожа на ангела, и у Хоксторна перехватило дыхание от благоговейного восторга, уже в следующее мгновение уступившего место вполне земному вожделению.

Усилием воли Хоксторн сумел вернуть себе самообладание и способность мыслить здраво. Мисс Квик – леди, племянница графа, и все, что он мог себе позволить, это любоваться ее красотой и неотразимым обаянием, а также восхищаться ее остроумием, но... на расстоянии: о прикосновениях даже мечтать не следовало.

Платье цвета топленых сливок с длинными полупрозрачными рукавами, отороченными мехом, на вид было таким же мягким и бархатистым, как кожа его обладательницы. Рубиновая подвеска на жемчужном колье заманчиво сверкала в глубоком декольте, таинственно перемигиваясь с таким же рубином, что украшал забранные вверх волосы, и притягивала взгляд к нежным округлостям.

Будь она его любовницей, Солан и не вспомнил бы о еде – немедленного утоления требовал голод иного рода. Мысленно он уже нес ее на руках в спальню...

– Добрый вечер, мисс Квик, – с легким поклоном поприветствовал хозяйку дома Хоксторн.

– Добрый вечер, ваша светлость, – откликнулась Лоретта, присев в реверансе. – Как вы устроились?

– Спасибо, хорошо: в комнате тепло и есть все необходимое.

– Я рада, – кивнула мисс Квик и пригласила к столу.

Застеленный белоснежной скатертью и уставленный высокими канделябрами с толстыми свечами стол был непомерно длинным, и приборы располагались у противоположных коротких краев.

Но отменное качество фарфора, хрусталя и серебра не могло восполнить одного существенного пробела: для того чтобы видеть друг друга во время трапезы, им придется выкручивать шею – канделябры загораживали обзор, а для того, чтобы слышать, – кричать.

Хоксторн подошел к противоположному концу стола и выдвинул стул:

– Позвольте за вами поухаживать, мисс Квик.

– Благодарю, – довольная собой, сказала хозяйка дома.

От ее волос чудесно пахло вербеной и мылом, и Солан с наслаждением вдохнул божественный аромат. Наблюдая, как она усаживается, он поймал себя на кощунственной мысли: вот бы поцеловать ее в затылок, коснуться губами оголенных плеч, зарыться лицом в волосы, уткнуться носом в теплую ямочку за ухом... И, понимая всю тщетность подобных мечтаний, он все же представлял, как она трепещет от страсти в его объятиях.

«Как же она меня искушает», – подумал Солан и, наклонившись к ее макушке, вместо того чтобы воплотить смелую фантазию в жизнь, всего лишь шепнул:

– Вы великолепны, мисс Квик!

– Спасибо, – так же тихо ответила Лоретта.

Дабы отвлечься от нескромных мыслей, по пути к противоположному концу стола, где стоял его прибор, Хоксторн пересчитал придвинутые к столу стулья: одиннадцать, – окинул грустным взглядом ошестинившийся огненным частоколом стол и уже собрался сесть на отведенное ему место, но замешкался, взглянув на очаровательную мисс Квик. Она ответила на его взгляд безмятежной улыбкой. Чего она ожидает? Что он притворится, будто не заметил ее стараний отгородиться?

Так кто же он – джентльмен или тот, кто себя за него выдает? Она поставила его перед выбором, который был для него очевиден. Она не знала, что он не из тех, кто ищет обходные пути. В противном случае зачем столько свечей и серебра?

Хоксторн ничего не имел против: пусть юная леди потешит свое самолюбие, считая, что перехитрила его. Он даже готов был принять условия навязанной ему игры, взяв на себя роль благородного рыцаря, но только постольку поскольку. В конце концов, не святой же он! Шанс отужинать наедине с красивой девушкой, к тому же леди, может никогда больше и не представиться. В борьбе двух начал перевес пока был на стороне низменных инстинктов. Итак...

Прихватив приборы, салфетку и бокал, герцог решительно направился к стулу, что стоял справа от мисс Квик. Она, онемев от удивления, молча наблюдала, как он основательно устраивается на новом месте. Закончив с приборами, он сходил за графином и, намереваясь приступить к ужину, вдруг заметил, что в бокале хозяйки дома вода.

– Вы не пьете вино, мисс Квик?

– Очень редко – и то лишь когда Пакстон дома.

– Вот как... Что ж, возможно, вы правы: питание в одиночестве не доводит до добра. Но мне-то вы составите компанию?

– Если вам будет угодно.

Солан взял ее бокал, подошел к камину и выплеснул воду в огонь. Раздалось громкое шипение. Вернувшись к столу, он наполнил оба бокала вином и лишь после этого опустил на стул, с довольным видом заметив:

– Так-то лучше. Вы ведь сами говорили, что предпочитаете обходиться без излишних церемоний, когда вашего брата нет дома, верно?

Хоксторн был почти уверен, что мисс Квик не хотела, чтобы он заметил восхищение в ее взгляде, и ему было в равной степени приятно и то, что она им восхищается, и то, что скрывает свои чувства.

– Да, говорила, и, ваша светлость, сделайте одолжение: садитесь там, где вам удобнее.

Сама непринужденность и спокойствие, мисс Квик давала понять: пусть ему и удалось одержать победу в первой схватке, это не значит, что ясен исход всей битвы.

Солан понимающе кивнул.

– Могу я предложить тост?

– Конечно, – сказала Лоретта и подняла бокал.

– За вашего брата и мою сестру, за их долгую счастливую жизнь! – провозгласил Хоксторн и, дождавшись, когда она поднесет бокал к губам, добавил: – Совместную.

Мисс Квик, поперхнувшись, закашлялась, и поставила бокал на стол, потом выдавила:

– Вы поступили нечестно.

– Мы по разные стороны баррикад, – напомнил ей Солан. – Это был тактический ход.

– Вы коварный человек, ваша светлость.

– Скорее находчивый.

– Спорить не стану, но пить за совместную жизнь моего брата и вашей сестры, которые даже ни разу не встречались, не буду.

По ее голосу Солан понял, что она нисколько не рассердилась и даже не расстроилась, а просто сочла нужным указать ему на неблагоприятный поступок. И ему это понравилось. Да и сама юная леди нравилась ему все больше и больше!

– Вы не уступите ни пяди своей территории, верно, мисс Квик?

Мисс Квик поправила салфетку у себя на коленях и, подняв на него огромные синие глаза, произнесла:

– То же можно сказать и о вас, ваша светлость. Очевидно, и вы отступать не привыкли.

– Да, но от меня иного и не ждут, ведь так? Мне всегда казалось, что юные леди куда сговорчивее мужчин, но вы – воплощение упорства, если не упрямства.

Она смотрела ему прямо в глаза, и он видел в ней то, что успел отметить при первом знакомстве: уверенность и силу. Ему нравилось в ней и то и другое.

– Возможно, ваша светлость, вы не заметили, когда мы разговаривали с вами днем в гостиной, но... – Лоретта помолчала и, чуть заметно улыбнувшись, закончила: – Я не из тех, кто готов идти на уступки лишь для того, чтобы кому-то угодить, даже если этот кто-то граф или герцог.

– О, я заметил, и вы знаете, что я это заметил, но спасибо и на том, что попытались дать мне фору, усомнившись в моей наблюдательности. Я такой щедрости не заслужил.

– С этим не поспоришь, – едва слышно пробормотала мисс Квик и своим обычным голосом спросила: – Вы нашли все, что нужно, для своей лошади?

– Да, включая попону, которая сегодня ей очень понадобится. Конюшня у вас большая – в ней можно было бы держать по меньшей мере дюжину лошадей.

– Да, столько места пропадает. Когда-то их здесь было много, но очень давно – еще во времена первого графа Свитчингема. Мне рассказывали, что Маммот-Хаус был даже не охотничьим домом, а самым настоящим замком. Граф любил проводить здесь зиму вместе с домочадцами и друзьями. Говорят, здесь устраивались грандиозные празднества, о которых до сих пор не могут забыть в окрестных деревнях.

Откинувшись на спинку стула, Хоксторн медленно потягивал вино, которое успокаивало и умиротворяло. Так хорошо проводить вечер в тепле, с бокалом в руке и в компании очаровательной и умной собеседницы.

– Ваш дядя приезжает сюда поохотиться?

– Нет. Говорят, раньше, лет двадцать назад, к северу от Маммот-Хауса были богатые охотничьи угодья, но случился пожар, лес выгорел дотла и до сих пор не восстановился.

Служанка внесла в столовую горячее блюдо, от запаха которого у Хоксторна потекли слюнки. Запеченный в меду окорок, картофель с хрустящей корочкой и золотистый омлет выглядели очень аппетитно.

– На том месте сейчас лишь невысокая поросль, – продолжила мисс Квик, когда миссис Хадлстон покинула комнату. – Наверное, в таком лесу и охотиться не на кого, потому Маммот-Хаус и не используется по своему назначению.

– И как давно вы здесь живете?

– Больше двух лет, – ответила мисс Квик, взяв в руки нож и вилку.

– И как часто вы ездите в деревню?

– Вообще не езжу, – ответила она спокойно и, кивнув на его тарелку, добавила: – Прошу вас, ешьте, пока не остыло.

Солана уговаривать не пришлось, и с энтузиазмом он принялся за еду, а утолив первый голод, спросил:

– А в Лондоне вы бываете? Приезжаете навестить родственников и друзей?

– Нет, но дядя всегда приглашает меня к себе на рождественский ужин.

Ему не терпелось узнать, в чем истинная причина ее затворничества, и, воздав должное изумительному запеченному окороку, он словно невзначай заметил:

– И все же ваш брат довольно часто бывает в отъезде.

– Откуда вы знаете? – не сумела скрыть досады мисс Квик.

– Я вижу его в Лондоне.

– Да, конечно, я должна была и сама догадаться. Простите за резкость. – Лоретта тихо рассмеялась. – Пакстон любит бывать на людях: в отличие от меня, страдает от отсутствия общения, жизнь в уединении не для него.

Потягивая вино, Солан наблюдал за хозяйкой дома. Ему нравилось, что она умеет признать ошибки без всякого жеманства, просто, не тушуясь, а еще безумно нравился ее смех.

– Так вам по душе уединение или вы просто научились справляться с одиночеством?

– Какая разница? – ушла она от ответа, не поднимая глаз. – В Лондоне у меня остались подруги, с которыми я регулярно переписываюсь, так что связь с внешним миром потеряла не окончательно.

В ее голосе звучала такая обреченность, что он забыл о еде, глядя, как она отрезает маленький кусочек мяса. Она не ждала сочувствия, не искала понимания – просто констатировала факт.

– Как часто граф навещает вас здесь?

Она проглотила отрезанный кусочек.

– Редко.

– Вас не обвинишь в многословии, мисс Квик.

– Вы задаете вопросы, которые не требуют пространных ответов, хотя, должна заметить, их слишком много.

Хоксторн усмехнулся, глядя ей в глаза, и она улыбнулась в ответ.

– Лучший способ побольше узнать – это задавать вопросы.

– У вас, похоже, пыливый ум, – заметила мисс Квик, перед тем как отправить в свой хорошенький ротик кусочек картофеля.

Как ни хотелось ему дотянуться губами до ее губ, он спешно переключился на омлет, чтобы изменить ход своих мыслей.

– Да, вы правы, – согласился Солан, отложив вилку и нож. – Редко – это раз в неделю, в месяц?..

– Вы про визиты дядюшки? Дважды в год. Весной и осенью. Полагаю, он считает, что, как опекун, обязан время от времени меня проведывать, а возможно, просто чтобы удостовериться, что я никуда не сбежала. С каждым годом путешествовать ему все труднее, ведь дядя не молодеет. Лестницы для него стали почти непреодолимым препятствием, да и забираться в экипаж ему нелегко. – Лоретта подняла взгляд на собеседника. – Этот ответ достаточно пространный?

В глазах ее плясали озорные огоньки, и Солан не удержался от смеха.

– Да, так значительно информативнее.

– Я рада.

– Почему вы живете здесь, мисс Квик?

Она отложила в сторону вилку и нож и, взяв в руки бокал, бесхитростно ответила:

– Потому что этого хочет мой дядя.

– Это такой способ наказания?

Мисс Квик задумчиво пригубила вина. Хоксторн не торопил ее, а просто ждал, скажет ли она правду или солжет. А может, просто уйдет от ответа, дав ему понять, чтобы не лез не в свое дело?

– Возможно, кое-кто считает и так, – сказала она наконец.

– Но у вас иное мнение?

– Жалость к себе – разрушительна, ваша светлость. Я убеждена, что живу так, как того заслуживаю, и претензии могу предъявлять только самой себе.

В ней не было ни позы, ни рисовки, она была абсолютно честна перед ним. Можно лишь догадываться, какая бездна отчаяния стоит за этими простыми словами.

– Ваш брат придерживается того же мнения?

– Полагаю, вам стоит спросить об этом его самого, после того как предложите жениться на вашей сестре, чтобы ей не пришлось выходить в свет и подыскивать себе мужа среди распутников, негодяев и проходимцев вроде тех, что рассылают debutанткам анонимные письма.

Это был вызов: ее храбрость граничила с безрассудством.

– Не стану отрицать очевидное, – признался Хоксторн, – как не стану отрицать и то, что хочу уберечь свою сестру именно от таких мужчин, каким и я был когда-то.

– А сейчас вы другой? Неужели пересмотрели свои взгляды на жизнь? – не без скепсиса уточнила мисс Квик.

– Надеюсь, да, в определенной мере. – Солан положил вилку и нож на пустую тарелку. – Во всяком случае, стараюсь вести себя прилично в обществе юных леди, не говоря уже о том, что не пишу никаких писем: только свою подпись там, где надо.

Мисс Квик не удержалась от смеха.

– Вы хотите сказать, что сами наложили на себя епитимью? Забавно!

– Надеюсь, теперь никому не захочется повторять мои ошибки. Впрочем, писакам из «желтых» газетенок мало моего раскаяния: они жаждут крови.

– И не только они. Крови жаждут еще и злосчастные дебютантки, для которых ваша шалость обернулась и запятнанной репутацией, и горьким разочарованием в собственных возможностях.

Хоксторн, задумчиво поглаживая ножку бокала, думал, что глупо было бы рассчитывать на снисхождение со стороны мисс Квик даже после того, как признал свои ошибки.

– Мы никому не хотели зла, даже подшучивать над юными леди не собирались, а просто заключили пари. Никто ничего не должен был знать, кроме нас. Если нас и можно в чем-то обвинить, то лишь в недомыслии. Каждый из нас стремился выиграть пари, вот и все.

– А теперь кому-то, может статься, захочется подмочить репутацию вашей сестры, просто чтобы отомстить вам.

– Хоть вы и живете вдали от столичного шума, но в курсе всех последних лондонских сплетен.

– Мистер Хадлстон всегда привозит столичные газеты, когда бывает в Гримсфилде, и я читаю еженедельную скандальную хронику.

– Как и весь остальной мир, – проворчал Хоксторн.

– У этой мисс занятный слог, но насколько правдива ее информация? – поинтересовалась мисс Квик.

Гораздо правдивее, чем ему бы хотелось, но признаваться в этом Хоксторн не спешил.

– Не могу сказать, но в этой ситуации считаю нужным делать все, что в моих силах, дабы избавить сестру от возможных неприятностей. История повторяется: в прошлом году с сестрами герцога Гриффина, в этом – с Адель. Как я уже говорил, статус невесты ее защитит: те, кто мечтает запятнать ее репутацию или даже разбить ей сердце, останутся ни с чем.

– И чтобы ваша сестра не попала из-за вас в беду, вы решили сломать жизнь моему брату?

– Я не желаю ему зла, мисс Квик, но они идеально подходят друг другу. Хочу напомнить, что я, в отличие от вас, хорошо знаю обоих.

Мисс Квик откинулась на спинку стула, сделала глоточек вина и спросила:

– А почему вы с друзьями выбрали для пари столь хрупкую материю, как девичье сердце?

– Вам нравится сыпать соль на раны, мисс Квик?

– Я всего лишь говорю как есть. Будучи честной с вами, я ничем не рискую: терять мне нечего. Вашей благосклонности я не ищу и произвести на вас впечатление не стремлюсь.

– Не стремитесь? А жаль. Как бы там ни было, вам все равно не понять ход мыслей беспредельно самонадеянного и бесшабашного юнца, чей ум к тому же сильно затуманен алкоголем.

– Пожалуй, я соглашусь с вами.

– Теперь-то мы понимаем, что поступили скверно: ведь у каждого из нас есть сестры, которые могут оказаться на месте тех юных леди.

– Представляю ваше состояние, когда вы наконец осознали, что натворили.

Хоксторн поморщился и тяжело вздохнул:

– Просто пьяная выходка, и все. Было интересно, сколько леди придут на тайное свидание.

– Вы что, ради денег решили отправить письма тем девушкам?

– Да нет, деньги здесь ни при чем, скорее азарт: сама затея была обречена на провал с самого начала.

– Почему же? Может, поделитесь?

Поделиться с ней? Слово «поделиться» было не из его лексикона: герцог Хоксторн не привык ни с кем ничем делиться, а потому о случившемся десять лет назад знали только двое его друзей, которые вместе с ним были непосредственными участниками тех событий. Теперь к Ратберну и Гриффину добавилась еще мисс Квик. Как же ей так легко удалось то, что до сих пор не удавалось никому?

Солан сделал еще глоток вина. В мерцающем множестве свечей лицо Лоретты казалось ему еще красивее, еще загадочнее. Не было на нем ни тревоги, ни скованности. Рядом с ней и он чувствовал себя легко и свободно, потому, наверное, разоткровенничался настолько, что решился говорить на тему, которую считал запретной: о том злополучном пари.

Не задаваясь вопросом зачем, Солан сказал:

– Все началось с небольшой брошюры под названием «Как добиться расположения леди. Руководство для истинного джентльмена».

Мисс Квик сосредоточенно сдвинула брови и заключила:

– Не думаю, что слышала о ней.

– Вам она без надобности, да и мне ничего, кроме вреда, не принесла.

– И каким же это образом? – удивилась Лоретта.

– Мы с друзьями прочли ее ради забавы. В ней масса абсолютно ненужных и даже нелепых советов вроде: «Никогда не посылайте юным леди письма от тайных воздыхателей».

– Вот как... – еле слышно пробормотала мисс Квик.

– В силу своего возраста и склада ума мы не могли противостоять искушению – слишком сильным было в нас желание сделать именно то, от чего нас настойчиво предостерегали. Когда бренди в бутылке уже не осталось, мы, ничтоже сумняшеся, решили разнообразить свой досуг именно сочинением посланий от тайных поклонников.

– Как вы решали, кому их отправить?

– Все просто. В том сезоне было двенадцать дебютанток. Вот их мы и выбрали. Каждый из нас написал по четыре письма с предложением встреч и подписал их вымышленными именами. Разумеется, места для свиданий указывались разные. Мы не знали, придет ли на свидание хоть одна из девушек, но по условиям пари выиграть должен был тот, чьих адресатов явится на встречу больше.

– Но в итоге все двенадцать писем попали в цель.

– Именно так.

– И вас разоблачили случайно: кто-то подслушал, как вы глумливо высмеивали доверчивых дебютанток.

Хоксторн покачал головой и, подлив им обоим вина, возразил:

– Мы ни над кем не глумились, а всего лишь обменивались мнениями. Надо было держать рот на замке, но мы были молоды и беззаботны. – Он взял в руки бокал

и откинулся на спинку стула. – Прошу заметить, что ни один из нас пальцем не прикоснулся ни к одной из юных леди.

– Да, но каждая из них пострадала из-за скандала. Даже неудавшаяся попытка тайного свидания с незнакомцем бросает на девушку тень.

– Это так, – с готовностью согласился Хоксторн и поднял бокал в приветственном салюте. – Ваше здоровье. Я уже признал наши ошибки. Мы не должны были рассылать эти письма, заключать это пари, а девушкам не следовало реагировать на эти письма таким образом. При всем при том я не могу представить, чтобы общество подвергло остракизму целый выводок дебютанток из-за тайных поклонников, которых и в природе-то не существует.

– Последствия, увы, не ограничились одним лишь пережитым девушками конфузом. Бьюсь об заклад, что среди родственников дебютанток, с такой легкостью согласившихся на свидание с незнакомыми мужчинами, были и такие, кто задался вопросом, было ли это свидание первым. Могу предположить также, что кое-кто из папаш усомнился в целомудренности своих чад. Мне продолжать?

– Не стоит, – сухо ответил Хоксторн. – Вы сказали достаточно, и все это, возможно, так и было, но факты вещь упрямая, а они говорят, что ничего непоправимого не произошло. Когда пошли слухи о возможной мести, мы проверили, как обстоят дела у тех самых «опороченных» нами дебютанток, и, судя по тому, что нам удалось выяснить, все они благополучно вышли замуж и наслаждаются жизнью.

– Приятно это слышать.

– Нас тоже это порадовало. – Солан сделал глоток вина. – Раз уж мы заговорили о слухах, скажите, правда ли, что вы дали клятву никогда не выходить замуж?

Мисс Квик поставила бокал на стол.

– Да.

– Потому что не захотели выходить за виконта Деннингкорта.

Не сразу, но она ответила:

– Да.

– Но вы не ушли в монастырь. Мне помнится, что по городу прошел такой слух.

Внезапно глаза ее озорно сверкнули, и она словно засветилась изнутри, так что стало невозможно оторвать от нее глаз. Ему ужасно захотелось ее поцеловать, да и нижняя часть его тела отреагировала не менее бурно.

– И это всех бы устроило, не правда ли, ваша светлость? Увы, хорошей монахини из меня бы не получилось, и моему дяде это известно. Я упряма, ненабожна. Даже если бы мне захотелось уйти в монастырь и мой дядя согласился на это, я не продержалась бы там и суток. К исходу первого дня сестра-настоятельница отправила бы меня обратно в Свитчингем. Кротость не в моем характере, а без нее в монастыре делать нечего.

Кроткой мисс Квик не была, это точно, но как раз своей упрямой непокорностью и независимостью суждений она ему и нравилась. Куда приятнее общаться с леди, которая честно высказывает свое мнение без оглядки на то, как оно будет воспринято собеседником.

Мисс Квик взяла в руки бокал и сделала глоток.

– Итак, вы приняли обет безбрачия, – пристально глядя на нее, сказал Хоксторн. – А как насчет обета целомудрия?

Мисс Квик не отвела взгляд, не изменилась в лице, но по ее глазам Солан понял, что его вопрос ее удивил.

– А разве из одного не следует другое, ваша светлость?

– Я не знаю: клятву же давали вы – вот и спрашиваю у вас.

Рука ее не дрогнула, и взгляд оставался ясным, но он почувствовал ее напряжение. Пауза затягивалась, и причина ее молчания была ему понятна: мисс Квик не имела однозначного ответа на этот вопрос.

– Простите, что помешала...

Миссис Хадлстон, стоя в дверях, нервно теребила фартук.

– Вы нам не помешали, – поспешила заверить ее Лоретта. – Что-то случилось?

– Под дверью черного хода стоит нищий, совсем еще мальчишка, и просит хлеба.

– Вы ведь знаете, что не надо меня спрашивать, как быть, если кто-то голоден: просто накормите, и все.

– О да, мисс, помню. Я велела ему подождать, потому что решила, что вам стоит на него взглянуть. Мальчишка, похоже, серьезно болен, вот я и подумала...

Хоксторн невольно поежился, представив, что оказался сейчас на улице, и заметил:

– Здоров он или болен, в такую ночь без крыши над головой его оставить нельзя.

– Разумеется, – поддержала его Лоретта. – Мы найдем и для него место. Он один?

– Похоже на то, – сказала экономка. – Я пригласила его на кухню и предложила погреться у плиты, но он отказался: сказал только, что хочет немного хлеба и будет ждать под дверью. Вот я и пошла за вами.

– И правильно сделали. Прошу меня извинить, ваша светлость, – проговорила Лоретта, вставая из-за стола, – но я должна вас покинуть.

– Я пойду с вами.

Хоксторн следом за хозяйкой дома пошел по длинному коридору в сторону кухни. Там у стола с остатками ужина стояли три служанки, которых он прежде не видел. Миссис Хадлстон открыла дверь черного хода, и в помещение ворвался ледяной вихрь. На пороге стоял мальчик лет одиннадцати, тощий и бледный как привидение, насквозь промокший под холодным дождем и

дрожащий всем телом.

– Заходи скорее в дом! – воскликнула Лоретта и протянула пареньку руку, но тот уже успел заметить мужчину и, чего-то испугавшись, попятился и бросился наутек.

Было ясно, что, если его не вернуть, паренек насмерть замерзнет.

– Я пойду найду его и приведу в дом, а вы тем временем приготовьте ему какое-нибудь теплое питье и сухую одежду.

Идти за плащом времени не было, и Хоксторн выскочил на улицу в чем был. Ветер швырял град в лицо, хлестал по глазам. Разглядеть что-либо в сплошной мгле не представлялось возможным, и он побежал наугад, поскользнулся на льду и едва удержался на ногах, а когда глаза привыкли к темноте, за белесой пеленой разглядел наконец выбивавшегося из сил мальчишку.

Рискуя свернуть себе шею, он прибавил скорости, настиг беглеца и схватил за куртку, но мальчишка исхитрился на ходу высвободиться из нее, оставив в руках своего преследователя.

Досадливо выругавшись, Хоксторн швырнул куртку в сторону и бросился за ним. Ловкость, с которой сорванец его провел, говорила о том, что этот трюк им хорошо отработан не раз. Мальчишка петлял как заяц, усложняя своему преследователю задачу, но он умел учиться на своих ошибках. Когда ему удалось опять нагнать беглеца, он схватил мальчишку обеими руками: одной за рубашку, другой – за плечо.

Пленник не желал сдаваться и, пытаясь вырваться, осыпал его бранью, надсадно хрипя:

– Что тебе от меня надо? Я же ничего из твоего дома не крал!

Ясно как день, что мальчишка этот не заблудившийся крестьянский сын, а беспризорник, коих множество в Лондоне. Но как он очутился в такой дали от города?

– Тихо! – рявкнул Солан. – Никто не собирается причинять тебе зло: напротив, я пытаюсь помочь.

Похоже, борьба отняла у мальчишки последние силы: он вдруг замолчал и обмяк, глаза у него закатились. Чертыхнувшись, Хоксторн подхватил его на руки и поспешил назад. Рубашка и штаны на мальчишке намокли и теперь стояли колом от мороза, в тщедушном теле едва теплилась жизнь.

Хоксторн взывал ко всем святым, чтобы донести паренька до дома живым.

Глава 4

Истинный джентльмен никогда не станет искушать леди, подталкивая к поступку, который мог бы бросить даже самую легкую тень на ее доброе имя.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Руководство для истинного джентльмена

Лоретта со страхом вглядывалась в поглотившую герцога черноту. Страх железной хваткой держал ее за горло, не давал вздохнуть полной грудью, – так страшно ей было всего пару раз за всю жизнь.

Тот же ужас и отчаяние от сознания собственной беспомощности она испытывала, когда мучилась от невыносимых болей ее мать незадолго до своей смерти. Хоть Лоретте тогда и было всего семь лет, помнилось все с пугающей ясностью, словно и не прошли все эти годы. Жизнь – хрупкая субстанция. На каждом шагу нас подстерегают опасности, грозящие гибелью, но чем реже об этом вспоминаешь, тем легче жить.

Но Лоретте был знаком и страх другого рода: было страшно идти против воли дяди, но еще страшнее давать клятву, которая навсегда изменила бы ее жизнь.

Впрочем, тогда смерть никому не грозила, не то что сейчас.

Сможет ли герцог отыскать мальчика и вернуть? Есть ли у беглеца семья и где она сейчас? Может, и этим несчастным нужна помощь?

– Герцог прав: мальчика надо будет переодеть. Миссис Хадлстон, сходите в спальню Пакстона за теплой ночной сорочкой и чулками, – распорядилась Лоретта. – Подходящие по размеру брюки мы поищем потом. Битси, достаньте запасные одеяла и повесьте перед камином, чтобы согрелись к тому времени, как они вернутся.

Ни одна из четырех женщин не шевельнулась: все они, похоже, еще не оправились от потрясения и пребывали в ступоре, а может, не слишком верили, что герцог вернется не один.

– Не стойте как истуканы! – прикрикнула на служанок Лоретта. – Займитесь наконец делом!

Сама она ждала у распахнутой двери черного хода, зябко обхватив себя руками и всматриваясь в темноту. Стоило ей выйти из-под навеса, как ветер швырнул в лицо пригоршню колючих льдинок вперемешку с дождем. Время тянулось бесконечно медленно. Жалобно скрипели деревья в унисон со зловещим завыванием ветра, холод пробирал до костей. Теперь Лоретта уже боялась не за одну жизнь, а за две. Что, если герцог простудится и умрет?

Платье ее промокло насквозь и липло к телу, она уже не чувствовала пальцев ног. Понимая, что едва ли поможет герцогу и мальчику тем, что замерзнет сама, Лоретта тем не менее не желала возвращаться в тепло. Если они способны выдержать холод, то и она сдаваться не станет.

Наконец из-за пелены ледяного дождя показалась фигура герцога. На руках он нес мальчика. Лоретта пошире распахнула перед ними дверь и в тревоге спросила:

– Что с ним?

– Потерял сознание.

– Пойдемте скорее, его нужно согреть.

Лоретта быстрым шагом направилась к комнате Арнольда, где Хейзел и Нолли уже держали согретые одеяла. Она подошла к кровати и откинула покрывало.

– Кладите его сюда. Мы должны его раздеть.

Герцог опустил мальчика на кровать и предложил:

– Может, я сам это сделаю?

Лоретта посмотрела на тщедушного паренька: в его по-детски невинном лице не было ни кровинки, на темных волосах поблескивали крупинки льда, – и у нее защемило сердце.

– Нет, я хочу помочь.

– Но вы леди...

– А вы герцог, – резонно возразила Лоретта.

– Ему, пожалуй, будет неловко, если обнаружит, что его раздевала женщина.

– Да бог с вами! – с досадой воскликнула Лоретта. – Это же ребенок. Ему все равно, кто его разденет. А если вы вдруг решили озаботиться моими «нежными чувствами», то выбрали для этого не самый удачный момент. Я сниму с него башмаки, а вы начните с чего хотите. Давайте же сделаем это поскорее, пока белье и матрас не промокли насквозь.

Лоретта присела на корточки и принялась развязывать шнурки на ботинках мальчика, что оказалось непросто: обледеневшие и жесткие, как проволока, они были все в узлах. Как Лоретта ни старалась, у нее не получилось развязать ни единого.

– Как такому хрупкому созданию удалось так туго затянуть узлы? – беспомощно пробормотала Лоретта.

– Позвольте помочь вам, мисс Квик, – сказал герцог, коснувшись ее плеча, и вытащил из голенища сапога нож с перламутровой рукояткой.

Пара секунд – и шнурки были разрезаны.

Лоретта подняла на него удивленный взгляд:

– Вы всегда действуете столь решительно?

– Да, всегда.

Дешевые ботинки были протерты до дыр. Снимая их, Лоретта обнаружила, что они мальчику малы. Как он вообще в них ходил? Носки оказались не в лучшем состоянии: грязные, дырявые и тоже явно не по размеру. Штаны, из которых он давно вырос, были протерты на коленях, а снизу обтрепались до лохмотьев. Если бы она умела шить, вопрос с новой одеждой для мальчика решился бы проще. «Ну ничего, я что-нибудь придумаю», – решила Лоретта, обернув посиневшие ноги бедолаги теплым одеялом.

Подросток был болезненно худ и бледен до синевы, на него было больно смотреть. Как же несправедлив и жесток этот мир, если ребенок вынужден побираться, чтобы не умереть с голоду! И вдруг этот незнакомый мальчик перестал быть для Лоретты чужим. Раз судьба привела его к ней в дом, тут он и останется и за его жизнь и здоровье теперь отвечает она.

Миссис Хадлстон подошла к кровати и сказала, жалостливо глядя на тощего мальчика:

– У меня есть кое-какая одежда. Вы идите, а я здесь сама управлюсь.

– Мы хотим помочь, – возразила Лоретта.

– Не пристало господам ходить за больными. У вас свои дела, а у нас свои. Вон девочки мне помогут. Так что идите, нечего вам тут делать.

Лоретта вопросительно посмотрела на герцога, и тот кивнул. Пожалуй, миссис Хадлстон и вправду справится с задачей быстрее и лучше.

– Ладно, будь по-вашему, – согласилась Лоретта. – Я попозже зайду его проводить. Разотрите его хорошенько, чтобы согрелся, и дайте попить. Поить его надо часто и понемногу, и следите, чтобы питье было теплым.

– Сделаю все как надо, ваша светлость.

– Спасибо, миссис Хадлстон.

Экономка просияла, гордая оказанным доверием, и Лоретта со спокойной душой повела герцога по тем же коридорам обратно. У двери столовой они остановились, и она спросила:

– Вы не хотите вернуться за стол? Десерт подать не успели, но я могла бы сама принести его из кухни.

– Спасибо, но я уже сыт, – сказал герцог. – Впрочем, я не отказался бы от бренди, который, если мне не изменяет память, я так и не допил в гостиной. Но если вы еще голодны, я готов составить вам компанию.

– Нет-нет, я не хочу есть, – возразила Лоретта.

Они направились в гостиную. Коридоры в этом доме были достаточно широкими, чтобы они могли идти рядом. Лоретте не надо было смотреть на герцога, чтобы ощущать его присутствие: он олицетворял надежность и силу, и рядом с ним все тревоги отступали.

Лоретта вошла в гостиную первой и сразу направилась к буфету за бренди, а герцог – к камину, поворошить угли.

– Сожалею, что вам приходится самому этим заниматься, – посетовала Лоретта.

Солан обернулся и, усмехнувшись, произнес:

– Хотя мне и нечасто выпадает возможность заниматься удовлетворением собственных потребностей, я получаю истинное удовольствие от процесса. Когда видишь, как раскаляются добела угольки, что едва тлели, испытываешь ни с чем не сравнимое удовольствие.

Едва ли герцог имел в виду те угли, что горели в камине, подумала Лоретта, но предпочла не высказывать свои мысли вслух. Передавая герцогу бокал, она очень старалась не коснуться его, и ей это удалось. Слишком остро ей помнились те ощущения, что вызвали соприкосновение их пальцев, и она боялась повторения.

– Спасибо, – сказал герцог, принимая из ее рук бокал.

Лоретта посмотрела в окно. Буря не утихала. Дождь со снегом бил в стекла, слышалось зловещее завывание ветра. Хорошо, что герцог нашел мальчика и они оба сейчас здесь, в доме, в тепле. Ей вдруг стало зябко, и она, поежившись, потерла ладонями плечи и подошла поближе к огню.

– Я все спрашиваю себя, что он делал здесь, в глуши, где нет ни одного дома на мили окрест. Иногда к нам, правда, забредают цыгане и просят подаяния, но чтобы мальчик... Может, он от кого-то убегал и заблудился? – Лоретта повернулась к герцогу лицом и спросила: – Вам удалось его о чем-нибудь расспросить?

– Нет. Сначала он все пытался вырваться, а потом потерял сознание.

– Как вы думаете, не мог ли быть с ним кто-то еще? Не случилось ли так, что они потеряли друг друга и сейчас кто-нибудь бродит по лесу под дождем? Может, родственники? Не стоит ли поискать?

– Нет, мисс Квик, я не думаю, что в этом есть смысл. Наверняка я сказать не могу, но считаю маловероятным, что у мальчика есть родня. Если судить по его виду, о нем давно никто не заботится. Скорее это уличный мальчишка, каких немало в Лондоне, беспризорник.

– О нет, ваша светлость, я не хочу даже думать, что это так. Мне было больно смотреть на него, такого беспомощного, замерзшего, худого.

Герцог взял ее за плечи и, развернув лицом к себе, с нажимом в голосе сказал:

– Вам надо выпить хотя бы глоток.

Он поднес бокал к ее губам, но она отстранилась.

– Нет, что вы, я не могу.

– Можете. Вы замерзли. Бренди вас согреет и успокоит.

– Со мной все в порядке. Просто... он показался мне таким одиноким и несчастным. – Лоретта опять увидела перед собой мать на смертном одре: бледную, измученную непрерывной болью – и добавила: – Я не могу смириться, когда кто-то страдает.

– Пейте, – тихо приказал герцог, и ей пришлось разжать губы и сделать глоток.

Трудно сказать, что подействовало на нее сильнее: алкоголь или то, что она пила из бокала герцога, который он держал в руке, – но когда он тихо произнес: «Еще глоток», – подчинилась, не раздумывая.

– Невероятно! Вы, такая сильная, такая независимая и храбрая, вы, которой ничего не стоит отчитать пэра королевства, дрожите при виде нищего оборванца.

– И вовсе я не дрожу! – запальчиво возразила Лоретта, но тут же поспешила добавить: – Но как не проникнуться жалостью к абсолютно беспомощному ребенку? Разве можно за это упрекать?

– Упаси бог! – с улыбкой воскликнул герцог, и взгляд его еще больше потеплел. – Ваша чуткость достойна восхищения.

– Не могу представить, как можно оставаться равнодушным к этому мальчику. У него был такой испуганный и затравленный взгляд, когда он смотрел на вас. И потом, когда я увидела, в каком состоянии его одежда, мне захотелось ему помочь.

Герцог опять поднес бокал к ее губам, и она послушно сделала глоток.

– Сейчас он в безопасности, так что оставим все тревоги и дождемся, когда он придет в себя настолько, что сможет ответить на наши вопросы.

– Пожалуй, вы правы, – согласилась Лоретта, не кривя душой.

Тревога ее действительно отступила. Здесь, в доме, в тепле, ему ничто не угрожает.

– Думаю, он проспит до завтра, – предположил герцог. – Мы ведь не станем его будить.

Лоретта заглянула в его невероятно зеленые глаза.

– Спасибо вам за помощь! Только очень добрый и отважный человек мог решиться на такое: ночь, лес, холод, ураганный ветер...

Герцог допил бренди и поставил бокал на стол.

– Пусть меня и считают прожигателем жизни, но в моей груди бьется сердце, мисс Квик.

– Я не считаю вас бессердечным, ваша светлость, и ни на мгновение не усомнилась, что вы постараетесь помочь несчастному, чего бы вам это ни стоило.

– А вы окружили его заботой.

Лоретта вдруг осознала, что успокоилась, согрелась и впервые за долгое время у нее словно оттаяло что-то внутри. И, что уж совсем странно, ей стало казаться, что они с герцогом знакомы давным-давно; словно общая озабоченность судьбой маленького нищего навела между ними мосты, сделала ближе друг другу. Интересно, испытывает ли герцог что-нибудь подобное? Впрочем, это ее непривычное состояние могло быть прямым следствием целительного воздействия бренди.

– У вас волосы влажные. – Лоретта говорила тихо, глядя ему в глаза. – И сюртук тоже. Вы опять промокли, уже второй раз за день, надо бы вам переодеться в сухое.

– Да и вас дождь, похоже, не пощадил, особенно прическу.

Лоретта машинально провела по волосам рукой, заправляя за ухо выбившийся локон, и пробормотала:

– Неудивительно: такой ветер...

– Не надо было стоять на крыльце: все равно в кромешной тьме ничего не видно.

– Я не могла оставаться в доме. Миссис Хадлстон и горничные обошлись без меня, так что делать было нечего.

– Какие непослушные! Все в хозяйку, – улыбнулся герцог и нежно заправил упрямый завиток за ухо.

Лоретта смутилась и потянулась к прическе, но герцог неожиданно перехватил ее руку и припал губами к ее запястью. Его прикосновение было как ожог. У нее перехватило дыхание, сдавило грудь, а сердце пустилось вскачь.

Герцог, не отпуская ее руки, медленно провел ладонью по ее волосам, пропуская сквозь пальцы шелковистые пряди, и тем самым нанес ее прическе еще больший урон.

Тепло его рук завораживало, успокаивало, ласкало душу как музыка. Ласка его была подобна живительной влаге, и Лоретта, закрыв глаза, покачиваясь, словно в трансе, впитывала ее жадно, как губка. Пальцы его, покинув ямку за ухом, скользнули ниже, к ключице.

– Вас когда-нибудь целовали, мисс Квик? – спросил герцог и опять поднес к губам ее запястье. – В губы?

В голосе его появились бархатные нотки, а в глазах – странный блеск. Лоретта не хотела бы пасть жертвой искушения, но и противостоять влечению у нее не было ни сил, ни желания (а в том, что их влечет друг к другу, у нее сомнений не было).

И вот она стояла, боясь шевельнуться, ни в чем ему не препятствуя, а он продолжал дразнить ее двусмысленными намеками, «невинными» прикосновениями и взглядом, обещавшим нечто большее, опасное и волнующее.

– Да, целовали, – честно ответила Лоретта, – виконт Деннингкорт.

– Часто? – поинтересовался герцог.

– У каждого свои представления... Что такое «часто» в вашем представлении?

– При каждой встрече.

– Нет.

– Ну сколько раз? Больше одного?

Лоретта колебалась с ответом, даже руку высвободить попыталась, но ее попытка не увенчалась успехом: герцог не отпускал. По-прежнему глядя ей в лицо, он старался перехватить ее взгляд, и от его настойчивости ей было трудно дышать.

– Да, – призналась Лоретта и потупилась, уставившись на огонь. Ей не хватало воздуха, и она ловила его мелкими и частыми глотками. Надо что-то предпринять, чтобы разрядить напряжение, нараставшее с каждой минутой. – Но я видела его всего раза три-четыре до...

– До свадьбы? – подсказал герцог, перехватив ее взгляд.

«Так и не состоявшейся», – подумала Лоретта и, сделав глубокий вдох, заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Да, до свадьбы, с которой я сбежала.

Герцог кивнул.

– Ну и что вы думаете о тех поцелуях?

– Ничего, – равнодушно ответила Лоретта, хотя и так все было очевидно.

Его губы тронула чуть заметная улыбка и сделала совершенно неотразимым.

– А что он говорил?

Лоретта наморщила лоб, припоминая.

– Что муж и жена целуются: так принято, – и мне придется привыкнуть.

Герцог смотрел на нее, чуть склонив голову, и взгляд его на несколько долгих мгновений задержался на ее губах.

– Ах, мисс Квик, поцелуи не должны быть тягостной повинностью. Их ждут с восторгом предвкушения. О них мечтают, по ним тоскуют, ими наслаждаются. Скажите, – он вдруг обнял ее за талию и прижал к груди, – он обнимал вас с такой вот нетерпеливой жадностью?

У Лоретты перехватило дыхание, и все, что она смогла выдавить, это сдавленное «нет».

Ладони его уверенно заскользили по ее спине, объятия стали еще теснее, и она замерла в тревожном ожидании.

– Он заставлял вас чувствовать себя сокровищем, с которым невозможно расстаться?

– Нет, – выдохнула Лоретта, пытаясь справиться с искушающим желанием удовлетворить мучительное любопытство.

– И губы его также замирали в полудюйме от ваших губ в томительном ожидании приглашения?

– Нет...

По какой-то неведомой причине это очередное «нет» больше походило на стон отчаяния.

Он пожирал ее глазами, и дыхание его было таким же тяжелым и неровным, как у нее. Лоретта слышала даже стук его сердца, которое билось все чаще и все громче, как и ее собственное, заглушая вой ветра и стук льдинок о стекло, потрескивание дров в камине.

Лоретта была уже далеко не та наивная восемнадцатилетняя девочка, которая краснела от малейшего прикосновения. Она прекрасно понимала, что должна оттолкнуть герцога и броситься наутек, завизжать, в конце концов! Но в жизни все почему-то не так просто, и выбор свой Лоретта сделала, полагаясь не на доводы рассудка, как следовало, а исключительно по зову сердца, не в силах устоять перед соблазном.

Лоретта, хоть никогда прежде ничего подобного и не испытывала, отдавала себе отчет в том, что происходит. Ее неудержимо влекло к герцогу, и с этим ничего не поделаешь.

– Целовал ли он вас так, что дух захватывало и колени подгибались? – продолжил он расспрашивать вкрадчивым голосом. – Вызывал ли в вас ощущение, что вы единственная женщина в мире, которая могла бы утолить его страсть, заполнить эту зияющую пустоту в его душе?

– Нет... Конечно, нет.

– Тогда это сделаю для вас я, мисс Квик.

Глава 5

Джентльмен никогда не позволит себе поцеловать благовоспитанную юную леди без разрешения.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Герцог говорил тихо, но на удивление убедительно. Лоретта чувствовала, что тает в его руках словно восковая свечка. Бежать было поздно, а закрывать глаза на свои ощущения и чувства, которые испытывала к герцогу, не имело смысла. По какой-то неведомой ей причине Лоретта безоговорочно верила своему гостю. Но еще более ошеломительное открытие ждало ее, когда, спросив себя, чего ей хочется, Лоретта осознала: как раз того, что обещал ей герцог, – познать вкус всепоглощающей, презирающей любые запреты страсти.

Глядя в его зеленые, цвета летней травы, глаза, Лоретта испытывала непривычное радостное возбуждение, нетерпеливое желание узнать наконец, к чему так стремится ее тело. Она не понимала, чего именно ждет, но ей безумно хотелось, чтобы он ее поцеловал и чтобы это не кончалось...

Глаза Лоретты закрылись сами собой, когда лицо его приблизилось и она почувствовала легчайшее прикосновение его губ. Ошеломленная, она замерла в напряжении, но уже в следующее мгновение инстинктивно ответила на поцелуй. Сердце ныло в сладкой истоме: ей было хорошо, как никогда.

Никто и никогда не целовал ее так прежде, но Лоретте не пришлось долго размышлять, что от нее требовалось: тело само ей подсказало. Она расслабилась, руки сами собой сомкнулись у него на затылке, голова опустилась ему на плечо. Он повернул ее к себе лицом и продолжил целовать, заставляя вновь и вновь переживать невероятно острое наслаждение.

Лишить себя такого блаженства Лоретте не хватало духу: и пока герцог ее целовал, она таяла в его объятиях. Губы ее сами собой приоткрылись, уступив давлению его языка. Вздох то ли удивления, то ли блаженства сорвался с ее губ, когда он кончиком языка принялся исследовать глубины ее рта. Ладони ее медленно спустились ниже и заскользили по широкой мускулистой спине.

Его поцелуи были таки разные: то легкие, краткие, как прикосновение крыльев бабочки, то долгие, глубокие, страстные, – но и те и другие ей безумно нравились, она с радостью откликалась на каждый, повторяя его движения. Под страстный невнятный шепот они все глубже погружались в бурные воды страсти. Он судорожно покрывал поцелуями ее лицо: лоб, щеки, скулы, – а потом опять с жадностью впивался в губы, отчего Лоретту бросало то в жар, то в

холод.

Сначала она почувствовала мочкой уха его дыхание и лишь затем расслышала слова:

– О да, ты словно рождена для моих объятий.

Странно, но похожие ощущения были и у самой Лоретты. Впрочем, вместо того чтобы признаться в своих чувствах, она, чтобы скрыть смущение, сказала:

– Не представляла, что во время поцелуев так трудно дышать.

– Зато как приятно, верно? – Он улыбнулся, вновь коснувшись губами ее губ. – Сердце пускается вскачь, воздуха не хватает, колени подгибаются, жажда разгорается... Все должно быть именно так и никак иначе.

– Да, именно так я себя и чувствую! – радостно закивала Лоретта.

Солан еще крепче прижал ее к себе и нежно накрыл своей широкой ладонью грудь. Теплая волна ни с чем не сравнимого наслаждения поднялась откуда-то из глубин ее существа и накрыла с головой, вызвав то ли всхлип, то ли стон.

Сладострастие лишало ее разума. Умом Лоретта понимала, что поступает дурно, что надо остановиться, что не должна позволять герцогу подобные неслыханные вольности, но хватит ли у нее духу отказать себе в том, что сильнее ее? Лишить себя удовольствия, которому нет равных?

Лоретта отчаянно прижалась к нему в поисках опоры, осознав, что ноги окончательно отказались ее держать, как он и обещал. А Солан, продолжая поглаживать ее грудь и глядя при этом в глаза, спросил:

– Вам не терпится продолжить? Признайтесь, мисс Квик, вам ведь очень хочется, чтобы я вас опять поцеловал?

Лоретта готова была полжизни отдать за то, чтобы вновь ощутить его губы на своих.

– Скажите, ваше представление о поцелуях изменилось? – как коварный змей-искуситель прошептал герцог.

– Наверное, я неправильно поняла виконта Деннингкорта: разве можно назвать поцелуй необходимостью.

Герцог усмехнулся:

– Конечно, потому что без них не хочется жить.

– Даже представить не могла, что поцелуи могут быть такими желанными.

– А сейчас? Вы не испытываете желания меня поцеловать?

Вместо ответа Лоретта привстала на цыпочки и, игнорируя его усмешку, прижалась губами к его губам. Солану стало не до смеха. Все крепче прижимались друг к другу их тела, все настойчивее, яростнее сплетались языки. Одной рукой лаская грудь, другой он прижимал девушку к себе, давая почувствовать силу и крепость своего возбуждения. И ей это нравилось.

Лоретта сама не знала, как руки ее оказались у него под сюртуком, но уже чувствовала под ладонями напряженные мышцы его плеч, спины. Ощущения восхитительные! Возможно, ей больше никогда не представится возможность обнять столь совершенное мужское тело, и Лоретта была готова пойти до самого конца, куда бы ни повела ее жажда новых открытий (о существовании такой потребности она даже не догадывалась).

Ей показалось, что поцелуи стали более короткими, более целомудренными, а потом и вовсе прекратились. Герцог поднял голову и заглянул ей в глаза. Сердце ее востребовалось, и что-то сладко сжалось внизу живота. Он беззвучно, одними глазами спрашивал, кто для нее предпочтительнее: один из сент-джеймских повес, который ни во что не ставит ни ее невинность, ни ее благородное происхождение, или истинный джентльмен.

Оба они понимали, чем может грозить развитие событий, если не остановиться, поэтому он и задал ей молчаливый вопрос. Если она решится на продолжение и пригласит его в свою спальню, то уже никогда не будет прежней, а для герцога

при этом ничего не изменится. То, что лишится невинности, Лоретту не слишком тревожило, но что, если результатом их соития станет новая жизнь? Что касается герцога, то он будет жить как жил, и общество и глазом не моргнет, если правда выйдет наружу, чего не скажешь о ней.

Ее выслали в Маммот-Хаус за то, что не пожелала выйти за виконта, которого выбрал для нее дядя. Наказание это стало для нее тяжким бременем, почти непосильным, поэтому страшно подумать, на что способен дядя, когда узнает, что она ждет ребенка. Рассчитывать на помощь брата бессмысленно – он, как и сама Лоретта, всецело зависит от графа, – а в одиночку ей никогда не поднять ребенка.

Одарив герцога напоследок долгим и страстным поцелуем, Лоретта, собрав волю в кулак, высвободилась из его объятий и на ватных ногах отошла.

– Я должна справиться у миссис Хадлстон, как себя чувствует мой второй нежданный гость, – пробормотала она смущенно и вернула на место приспущенный лиф платья.

Вопрос во взгляде герцога никуда не делся: он ждал прямого ответа. Она молчала, поэтому он твердо заявил:

– Я иду с вами.

– Зачем?

– Я хочу сказать вашей экономке, что она без стеснения может обратиться ко мне за помощью, если сочтет, что в ней есть нужда.

– Вы очень добры, – сказала Лоретта, и, собравшись наконец с духом, добавила: – До того, как мы выйдем отсюда, я хочу дать ответ на ваш вопрос. И этот ответ – «да».

Зеленые глаза герцога удивленно блеснули, и, шагнув к ней, он взволнованно произнес:

– Я рад. Так какая из комнат ваша?

Какая хватка, какое бесстрашие и сколько в нем куража! Лоретта едва не пошла на поводу у желания своего сердца, презрев доводы рассудка. Но, к счастью, толика благоразумия в ней все еще оставалась. И сила воли, как выяснилось, тоже.

– Мне сдается, ваша светлость, вы успели забыть, о чем спрашивали, – сказала она с подкупающей улыбкой.

Герцог едва заметно наморщил лоб и склонил голову.

– Нет, мисс Квик, я совершенно уверен, что не оставил вам никаких сомнений относительно того, о чем именно спрашивал.

– Да, но вы задали два вопроса, и я ответила на первый: была ли моя клятва никогда не выходить замуж также обетом целомудрия. – И как можно увереннее, чтобы и намек на сомнения не осталось, Лоретта закончила: – И мой ответ – «да».

Герцог едва заметно прищурился – ровно настолько, чтобы дать ей понять, что ее ответ не пришелся ему по душе, но иронию оценил.

– Должен признать, что забыл про этот вопрос.

И опять Лоретте некого было винить или благодарить, кроме себя, за то положение, в котором оказалась. А положение это, надо сказать, было весьма шатким. Перед ней открывалась соблазнительная возможность, которая, как знать, может больше и не представиться, познать мужчину, причем именно того, кого желает всем сердцем и каждой клеточкой тела. Но Лоретта не была ни наивной простушкой, ни авантюристкой, живущей одним днем, и прочно стояла на земле. Будущее с ним весьма туманно, а за ночь в его объятиях придется, возможно, заплатить слишком высокую цену.

Лоретта не могла позволить себе так рисковать.

Молчание затягивалось, и, наконец не выдержав, она призналась:

– Это моя вина. Не следовало идти на поводу у сиюминутных желаний, возникших благодаря бренди.

Герцог брезгливо поморщился и покачал головой.

– Прошу вас, мисс Квик, не говорите так, будто я хотел совратить и заставил вас выпить.

– Я и не собиралась, – возразила Лоретта. – Просто после бренди мне безумно захотелось, чтобы вы меня поцеловали.

По его глазам Лоретта поняла, что он по достоинству оценил ее честность и благодарен ей за это, но видела также и его огорчение ее отказом. Досадно, что он никогда не узнает, с каким трудом далось ей это решение: ведь если бы она задумала нарушить обет, то это произошло бы уже сегодня ночью.

Герцог опустил глаза, но через мгновение вновь вонзился в нее взглядом:

– Желание – очень сильное чувство, ему трудно противиться.

Теперь, когда ей пришлось на собственном опыте убедиться в правдивости его утверждения, Лоретте ничего не оставалось, кроме как со вздохом признаться:

– Теперь я это знаю. – Помолчав, словно собираясь с силами, она добавила: – Да, это сложно, но не невозможно. Чувства порой приходится сдерживать, вот как сейчас. Я дала обет, и своему слову останусь верна.

– Жаль, – коротко сказал он.

Лоретте оставалось лишь надеяться, что он не заметит ту бурю чувств, что ее одолевали, и она поспешила отвернуться.

– И мне тоже очень, очень жаль...

Джентльмен никогда не должен оставлять леди в сомнениях относительно своих намерений.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Руководство для истинного джентльмена

Хоксторн плеснул в лицо водой и невольно поморщился – вода была не просто холодная, а ледяная. Вытеревшись насухо небольшим полотенцем, он выглянул в окно. Когда он ложился спать, все еще шел дождь со снегом, а этим утром, как ни странно, небо было ясным, ярко светило солнце, и от белизны ландшафта слепило глаза.

Редко такое увидишь в это время года.

Солан быстро надел брюки, сунул ноги в сапоги, пригладил волосы, провел ладонью по отросшей за сутки щетине на щеках и подбородке и посмотрел в маленькое зеркало, стоявшее на комод. Побриться он все равно не мог – экономка не снабдила его ни лезвием, ни мылом.

Едва пробудившись, он подумал о мисс Квик. Она прехорошенькая, занятая во многих смыслах, умная и при этом невинная – такое сочетание на кого угодно окажет мощнейшее воздействие. Солан с тоской посмотрел на кровать, где провел ночь в одиночестве. Ни он, ни она не пытались отрицать тот непреложный факт, что их влекло друг другу едва ли не с первого взгляда. Он почти не сомневался, что, если бы продолжил ее соблазнять, она сама охотно отдала бы себя ему, но джентльмен в нем на сей раз взял верх и дал ей возможность подумать о последствиях.

Что ж, честь ему и хвала за это.

Хоксторн надел рубашку, торопливо заправил в брюки, затем настал черед жилета. Застегнув его, он протянул руку к мятому шейному платку, но мысли опять вернулись к мисс Квик. Да и как мог он не думать о ней, если тело его так бурно на нее реагировало? И какой поразительный спектр эмоций ему довелось пережить всего за несколько часов общения! А ведь еще вчера утром, отправляясь в Маммот-Хаус, ни о чем подобном он и мечтать не мог.

Вначале она разозлила его нелепым требованием доложить, зачем ему понадобился Квик; затем, когда он, отдав должное ее настойчивости, сообщил о цели своего визита, не просто выразила ему свое возмущение, но и пообещала, что сделает все от нее зависящее, дабы отговорить брата от предлагаемой сделки; наконец, назвала его сестру эгоисткой, переполнив тем самым чашу его терпения. Хоксторн так до сих пор и не понял, почему мисс Квик столь яростно противится его планам связать узами брака ее брата со своей богатой и знатной и при этом весьма привлекательной сестрой.

Надо признаться, что ей удалось не только вывести его из себя, но и заинтриговать. Как оказалось, этой леди не чуждо чувство юмора, а уж ее беспримерная честность просто обезоруживала, как и глубина мыслей.

Хоксторна приятно удивило и деятельное сочувствие мисс Квик к уличному мальчишке. Немного найдется благородных барышень, которые не побрезговали бы снять с оборванца грязные ботинки, не говоря уже о дырявых вонючих носках.

Мисс Квик не боялась взглянуть в лицо суровой правде жизни, как не боялась испачкать свои нежные руки.

Солан улыбнулся, вспоминая, как она пыталась развязать узлы на шнурках своими изящными пальчиками, а потом...

И опять желание нахлынуло на него, накрыло с головой. Как же она его искушала! Как трудно было ему оставаться верным коду чести. Хоксторн был на волоске от шага, который не совершал никогда: лишить невинности юную леди. Она заставила его испытать страсть, которой не знал уже давно, а может, и вовсе никогда.

Самое неприятное, что с наступлением утра пожар страсти несколько не утих, а, судя по ощущениям в нижней части тела, разгорелся пуще прежнего. Впрочем, ему предстоит пуститься в обратный путь: весь день верхом и на холоде, – и это, несомненно, излечит его от неуместных желаний, однако до отъезда следует провести сорванца. Солан предупредил миссис Хадлстон, чтобы в случае необходимости прислала за ним, судя по тому, что ночью его никто не побеспокоил, с мальчишкой все в порядке. Надо предупредить маленького оборвыша, чтобы следил за языком – не пристало юной леди слушать грязную

брань обитателя лондонских трущоб.

Хоксторн спустился на первый этаж, прошел по длинному коридору мимо гостиной, столовой и кухни, повернул налево и вошел в комнатушку, куда поместили мальчишку. На краю кровати спиной к двери сидела мисс Квик, но услышав, как скрипнула дверь, встала и обернулась. В глазах ее неожиданно для себя он увидел смятение. Чем оно вызвано, кто тому причиной?

На девушке было простое платье из голубой шерсти с завышенной талией, обозначенной атласной лентой, на худеньких плечах – темно-зеленая шаль, волосы собраны в тугий узел на затылке, и никаких украшений. И вновь Солана до глубины души потрясла ее красота, которой и самый простой туалет не был помехой.

Так чем же она расстроена? Состоянием паренька? Или ей неловко за то, что происходило между ними накануне? Несколько долгих секунд они молча смотрели друг другу в глаза, потом мисс Квик нарушила молчание.

– Доброе утро, ваша светлость.

– Доброе утро, мисс Квик, – поздоровался герцог и подошел поближе к кровати. Бледный как полотно, мальчик лежал не шевелясь и никаких изменений в его состоянии не наблюдалось. – Как он сегодня?

– Ночью у него был сильный жар, – ответила мисс Квик и тоже посмотрела на беднягу.

Солан сочувственно вздохнул: плохо, конечно, но удивляться тут нечему – о том, что мальчик серьезно болен, они знали еще вчера.

– Кашель есть?

– Нет.

– Это внушает надежду.

– Миссис Хадлстон сейчас готовит для него грудной отвар, чтобы очистить легкие, и особый чай, чтобы сбить жар.

Хоксторну было невыносимо видеть ее такой встревоженной и растерянной. Этот ее взгляд пробуждал в нем желание обнять и утешить, взять на себя ее заботы, разгладить наморщенный лоб. И все же, несмотря ни на что, его приятно грело осознание, что печалится она из-за ребенка, а не из-за того, что происходило между ними вчера вечером.

– Его удалось накормить? – спросил Хоксторн.

– Миссис Хадлстон смогла влить ему в рот несколько ложек бульона, – ответила Лоретта, потирая руки, словно ей было зябко. – Но этого мало, и мы будем продолжать попытки.

Солан отчего-то подумал, что мальчика не спасти. Неизвестно, сколько времени он пробыл на холоде и когда в последний раз нормально ел. То, что зависело от них, было сделано. Теперь все в руках Господа.

– Он уже был болен до того, как пришел сюда. Вы ведь это знаете?

– Да, вы правы: выглядел он неважно, – сказала мисс Квик, подняв на него полные тревоги глаза, – но я надеялась, что все не так плохо.

– Вы делаете для него все, что в ваших силах. Он в тепле, в чистой и мягкой постели. Не надо ничего загадывать: пусть все идет своим чередом. Как будет, так и будет.

Лоретта вымученно улыбнулась и потуже закуталась в шаль.

– Я не могу пустить все на самотек: раз он в моем доме, я в ответе за его жизнь.

– Понимаю: недостатка в уходе он знать не будет.

Солан очень надеялся, что она не станет винить себя в случае самого неблагоприятного исхода.

– А вы как себя чувствуете? – тревожно вглядываясь в его лицо, спросила мисс Квик. – Вчерашнее пребывание на холоде не оставило пагубных последствий?

У Хоксторна от наплыва эмоций перехватило дыхание: приятно, что она справилась о его самочувствии.

– Со мной все хорошо. А как вы?

– Разумеется, все в порядке.

– Вы в этом уверены? – не поверил ей Солан. – Помнится, в ваших волосах я видел кристаллики льда и рукава у вас были сырые.

– Ну, если я промокла, то совсем чуть-чуть, – неохотно призналась мисс Квик и сменила тему: – Как вам спалось? Кровать была удобной?

Если она имела целью перенаправить его мысли в иное русло, то ей это, черт возьми, удалось. В отличие от мисс Квик, Солан имел вполне ясное представление о том, что такое удобная кровать и для чего нужна.

– Спасибо. Спалось хорошо, – вежливо ответил Хоксторн.

– Я рада. Миссис Хадлстон приготовила завтрак. Надеюсь, вас устроят тосты с джемом или медом, яйца и сыр? И на выбор: чай, кофе, горячий шоколад.

– Я бы хотел сначала заглянуть на конюшню проверить, как там моя кобыла.

– Ветер утих, небо чистое, так что мистер Хадлстон наверняка скоро приедет, – с пониманием кивнула Лоретта.

– В Гримсфилде разыщу врача или фельдшера и направлю сюда, чтобы осмотрел паренька.

Надежда озарила ее лицо.

– Спасибо, вы так добры! Я бы не посмела просить вас об этом, и я рада, что вы сами предложили. Боюсь, своими силами нам не справиться.

– Уверен, вы отправили бы за врачом мистера Хадлстона, не дав ему и чаю попить.

– Вы, похоже, читаете меня как раскрытую книгу. Не могу сказать, что мне это приятно, но вы правы: именно так я бы и поступила.

– Я распоряжусь, чтобы вашу лошадь вернули сегодня же, а кобылу переправили хозяину гостиницы, как только у нее заживет нога. Боюсь только, это произойдет не раньше чем через несколько дней.

– Пусть остается столько, сколько нужно: Арнольд с удовольствием будет за ней ухаживать.

– Вы ведь сообщите брату, что я приезжал?

Ее нежные губы разомкнулись в улыбке, и Солан поймал себя на том, что не может отвести от них взгляд.

– Тотчас же сообщу, ваша светлость: можете не сомневаться, – и о причине вашего визита тоже скажу.

Глаза ее насмешливо блеснули, но непреклонность при этом никуда не исчезла. И решительность, и чувство юмора одинаково сильно привлекали Хоксторна в женщинах, и то, что она не собирается сдавать свои позиции и пересматривать взгляды на брак по договоренности, несколько его не смущало. Он не боялся конфликтов и уже предвкушал удовольствие от предстоящей борьбы, а исход поединка был ему известен заранее: победа все равно будет за ним.

– Иной возможности я и не рассматривал, – заверил ее Солан и, многозначительно помолчав, добавил: – И еще передайте, что в следующий четверг я вернусь и, надеюсь, он меня дождет. А к вам у меня просьба: о цели моего визита, как и о самом факте, никто, кроме нас троих, знать не должен.

Ее плечи чуть заметно приподнялись, выражая строптивость.

– Меньше всего мне хочется, чтобы о вашем предложении узнали посторонние, а тем паче друзья Пакстона. Они непременно станут уговаривать его как можно скорее заключить сделку. Многие из них были бы безмерно рады дружить с зятем герцога, даже если это не сулит им никакой выгоды.

Да уж, на компромисс мисс Квик не пойдет: в ней живет дух истинной воительницы, усмехнулся про себя Хоксторн.

– Я бы просил вас дать возможность Пакстону самому решить, что для него хорошо, что плохо.

Мисс Квик нервно облизнула губы и сглотнула комок.

– Разумеется: мой брат сам себе хозяин, однако вам нет нужды возвращаться в Маммот-Хаус, Пакстон и сам может приехать в Лондон для встречи с вами, я в этом уверена. К тому же он редко остается тут надолго.

– Если бы я не был уверен в обратном, мисс Квик, – с кривой усмешкой заметил Хоксторн, – то мог бы подумать, что вы всячески избегаете встречи со мной.

Лоретта отступила на шаг и плотнее укуталась в шаль.

– Я всего лишь пытаюсь отговорить вас от долгого и утомительного путешествия, в котором нет необходимости.

– Нет, – возразил Солан и шагнул к ней. – Вы пытаетесь сделать все возможное, чтобы убедить меня, будто вам нет до меня дела.

Она не стала кокетничать, опускать глаза, а заявила прямо:

– Я действительно думаю, что так будет лучше.

Ее беспримерная честность заставила Хоксторна задуматься о своих истинных мотивах. Была ли она истинной причиной его желания сюда вернуться? В том, что вспылал к ней страстью, он уже себе признался, и да, хотел увидеть ее вновь. Но для чего? Только ли из стремления утолить желание? На этот вопрос он ответить себе не мог. И если уж сюда возвращаться, то хотелось бы получить

однозначный ответ.

– Я приеду за ним, – кивнул на спящего мальчика Хоксторн. – При том безупречном уходе, что вы с миссис Хадлстон, я уверен, ему обеспечите, он скоро поправится, и я отвезу его в Гримсфилд или в Лондон – туда, откуда пришел.

– А что, если он не захочет возвращаться туда, откуда пришел? Вы же понимаете, что там, где он жил, о нем никто не заботился и, более того, с ним, вполне вероятно, обращались дурно. Может, мальчик сбежал от своих мучителей, поэтому и оказался здесь один.

Глядя в ее встревоженные глаза, Солан подумал, что она не переживет, если мальчик погибнет.

– Тогда я отвезу его туда, куда захочет.

Кажется, его ответ устроил мисс Квик. Плечи ее расслабленно опустились, дыхание выровнялось. Надо было бы ему на этом поставить точку, но Хоксторн, увы, вовремя останавливаться не умел и зачем-то добавил:

– Кроме того, уверен, что вы, мисс Квик, хотите со мной увидеться.

Лоретта скептически усмехнулась:

– Это ваше личное мнение, ваша светлость, а о моих чувствах позвольте судить мне самой.

– Я говорю за нас обоих, и это, хотите вы признавать или нет, правда, о чем вы прекрасно знаете. Разногласия между нами еще, увы, не улажены, так что не удивляйтесь, но я намерен доказать свою правоту, как, впрочем, и вы, судя по всему.

– Так и есть, если только дело не безнадежно провальное, но в данном случае я уверена, что у меня есть все шансы.

– То же могу сказать и я.

– Вы знаете, что я буду отговаривать брата от помолвки с вашей сестрой.

– Да, знаю, – кивнул Хоксторн, – но сейчас речь не об этой битве.

Лоретта в недоумении посмотрела ему в лицо:

– О какой же тогда?

И если ему самому до последнего мгновения было непонятно, о чем он говорит, то сейчас все стало ясно как день.

Сердца их отстукивали мгновения паузы, и герцог, выдержав ее, ответил:

– О битве за вас, мисс Квик.

Глава 7

Джентльмен, выказывая внимание одной леди, не должен думать о другой.

Сэр Винсент Тибальт Валентайн.

Руководство для истинного джентльмена

Хоксторн знал, что опекунов над младшей сестрой далеко не самое худшее, что может случиться с человеком, но в данный момент верилось в это с трудом. По возвращении в столицу меньше всего он рассчитывал встретить Адель и непременно решил бы, что приключилось какое-то несчастье, если бы не радостный блеск в ее зеленых глазах.

– За каким чертом тебя сюда принесло? – раздраженно бросил Солан, швырнув шляпу на стол.

– Очень уж хотелось повидать любимого братца, – бойко, в своей обычной манере, ответила Адель.

– Чтобы увидеть меня? – Хоксторн с досадой сбросил плащ. – Ты для этого ехала сюда одна? В разгар зимы? Мы виделись всего месяц назад: я приезжал в имение. Неужели уже успела соскучиться?

– Во-первых, я ехала не одна, – с улыбкой забрав у брата плащ, весело щебетала Адель. – Меня сопровождали Минерва, лакей, кучер и, конечно, моя камеристка, как и в тот раз, когда мы ехали в Лондон вместе с тобой. А что касается твоего замечания насчет разгара зимы, то спешу напомнить, что до весны осталась всего пара недель и дороги оказались вполне сносными. Почему ты такой угрюмый? Я думала, ты мне обрадуешься.

– Ты серьезно? – раздраженно воскликнул Солан, жестом отослав прочь слугу.

– Ну конечно! – жизнерадостно заявила маленькая нахалка.

Больше всего его вывело из себя, что Адель, похоже, и не догадывается, какую непростительную глупость совершила, отправившись в столь рискованное путешествие. Окрестные леса кишели разбойниками, и кучер, пусть и вооруженный, вряд ли смог бы их защитить.

Он еще отчитает Минерву за то, что не остановила сестру, хотя все это без толку: Адель вертела своей старшей кузиной как хотела, и та не смела ей и слова сказать поперек. Взбалмошная девица ни в чем не знала отказа с тех пор, как появилась на свет у далеко не молодых родителей. Когда отец и мать скончались один за другим от дизентерии, Минерва переехала жить в имение, и Адель быстро научилась и из нее веревки вить.

– Не сердись на меня, братец, – с трудом сдерживая радостное волнение, попросила маленькая интриганка. – У меня есть новость, которая тебе непременно понравится, и, уверена, ты захочешь услышать ее как можно скорее. У Мисс Уиггинс скоро будут щенки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grey_ameliya/s-lyubov-yu-gercog

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)